

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

ТЕНЬ БЕЛОГО ДРАКОНА

Правила Чёрного дракона

— Книга 6 —

Правило VI

Белый не всегда свет,
чёрный не всегда тьма

— Городское фэнтези —

18+

Виктор Алеветдинов

**Тень Белого Дракона. Книга
6. Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Тень Белого Дракона. Книга 6. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Что, если сила, которую вы считали врагом, первой начнёт спасать людей? На льду Амура рушится площадка, машина уходит к воде, а привычная магия только расширяет разлом. И тогда Алина замечает невозможное: белая сила останавливает лёд и даёт людям несколько секунд на спасение. Но кто спасает город — Белый Дракон или система, присвоившая его силу? Чтобы найти ответ, Алине придётся разобраться в старой харбинской легенде, восстановить расколотый Колокол Двух Берегов и понять, где заканчивается долг и начинается чужая власть. Каждый новый шаг всё сильнее бьёт по её слуху. «Тень Белого Дракона» — шестой роман серии «Правила Чёрного Дракона». Правило VI: «Белый не всегда свет, чёрный не всегда тьма». Кому принадлежит сила, способная остановить катастрофу, если цена безопасности — право решать за других?

Содержание

Часть 1. Белый спасает	5
Глава 1. Лёд, который успел	5
Глава 2. Сорок семь секунд	10
Глава 3. Спасение в реестре	14
Глава 4. Право остановить	18
Глава 5. Тень на нижней кромке	22
Глава 6. Добровольная регистрация	27
Глава 7. Чёрная вода под белым льдом	31
Глава 8. Кому принадлежит спасение	36
Глава 9. Белый отвечает	40
Часть 2. Архив неправильной легенды	45
Глава 10. Фонд без номера	45
Глава 11. Две подписи под одной победой	50
Глава 12. Ледяная полка	54
Глава 13. Испытание хранителя	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктор Алеветдинов

Тень Белого Дракона. Книга 6. Правила Чёрного дракона

Часть 1. Белый спасает

Глава 1. Лёд, который успел

Алина присела рядом с раскрытым футляром и поправила войлочную прокладку под половиной Колокола Двух Берегов. Металл лежал на складной подставке в трёх шагах от парапета, холодный после ночного мороза. Ни молотка, ни второй половины рядом не было. Сегодня они собирались только проверить отклик и уйти до того, как набережная заполнится людьми.

Ниже Амурского утёса было почти пусто. У ограждённой ледовой площадки работала городская бригада, а обслуживающая машина стояла у спуска. Серый лёд на Амуре выглядел крепким, но у берега уже проступили тёмные полосы воды.

Марина остановилась справа от Алины с футляром в руке. Скрипку она пока не доставала.

— Пять минут, — сказала Марина. — Проверяем отклик и уходим.

— Без удара.

— Поэтому и пять минут.

— Рабочие закончат минут через двадцать, — сказал Максим, вернувшись от ограждения.

— Нам хватит пяти, — ответила Алина.

— Камень Звезды брать? — спросил Максим.

— Нет. Сегодня только колокол.

— Хорошо.

Восемь дней назад Белая тень Максима ушла в Зеркальный Хабаровск, и с тех пор ни один известный маршрут не дал ответа. Колокол тоже молчал. Алина каждое утро первым делом проверяла футляр.

Она положила ладонь на край металла. Холод прошёл через перчатку, а потом в правом ухе возник звук. Алина отёрнула руку.

— Что? — спросила Марина.

— В правом ухе. Боли пока нет.

Алина слушала. Ветер шуршал по снегу. С дороги пришёл гул автобуса, затем рабочий на льду ударил лопатой по насту. Ещё один звук не доходил через воздух: низкий короткий тон возникал прямо в правом ухе и медленно затихал.

Она снова коснулась колокола двумя пальцами. Тон повторился.

— Марина, проверку заканчиваем.

— Что услышала?

— Пока не знаю. Убираем колокол.

Максим шагнул к футляру. В этот момент под площадкой раздался глухой хлопок. Снег у служебной отметки провалился в техническую полость, из неё пошла вода. Машина у спуска качнулась на передней подвеске, и ограждение рядом с ней просело.

— С берега! — крикнул Максим.

Вдоль площадки появилась тёмная линия. Она дошла до дальнего угла, раздвоилась у стойки и вернулась к берегу уже шире.

Рабочий, стоявший ближе всех, прыгнул на утрамбованный снег и упал на колени. Второй успел сделать два шага, когда под ним наклонился целый пласт. Ещё один рабочий был у машины, водитель оставался в кабине. За ограждением у дорожки стояла молодая пара с ребёнком. Максим побежал к ним.

— К лестнице! Все к лестнице, не вдоль воды!

Алина поднялась. Половина колокола осталась на подставке, и в ней снова возник внутренний тон, теперь короче.

У берега лёд треснул ещё раз. Тёмная вода поднялась в разлом и пошла под серую плиту. Площадка с машиной сдвинулась от берега.

— Я закрою шов, — сказала Марина, раскрывая футляр.

— Подожди.

— Алина, там люди.

— Я вижу.

Марина поставила скрипку к плечу. Максим отправил пару с ребёнком к лестнице и вернулся к рабочим. Один мужчина полз на четвереньках, другой пытался добраться до машины: водитель остался в кабине, а дверь с берега прижало перекошенным ограждением.

Марина взяла первую ноту. Лёд под ногами отозвался короткой дрожью. По трещине прошла рябь, и тёмная полоса воды расширилась.

— Стой!

Марина оборвала звук. Сдвиг замедлился, но не прекратился.

— Музыка толкает площадку, — сказала Алина.

— Она закрывает шов.

— Сейчас толкает.

Марина посмотрела на лёд. Край площадки ещё раз ушёл к воде.

— Максим! — позвала Марина.

Он обернулся и посмотрел на площадку. Вода уже подходила к машине.

— Два выхода. Веди людей по одному.

— Уже.

Он показал рабочему направление и подхватил мужчину под локоть. Второй человек добрался до снега сам. Оставались водитель и рабочий у машины.

Алина снова слышала внутренний тон. Под серым льдом появилась белая полоса.

Она шла поперёк разлома. Светлая черта пересекала тёмную воду примерно в десяти метрах от берега. На несколько секунд движение прекратилось: край льда не оседал, и машина перестала крениться.

— Видишь? — спросила Алина.

— Вижу, — ответила Марина, посмотрев туда, куда она показывала.

Белая полоса погасла. Площадка снова сдвинулась.

Максим оказался у машины. Рабочий пытался отогнуть стойку ограждения.

— Не трать время! — сказал Максим. — Через правую дверь!

— Она внизу!

— Тогда через окно.

Водитель ударил ладонью по стеклу. Машина наклонилась ещё сильнее, и переднее колесо исчезло в серой каше у края трещины.

— Мне нужен проход, — сказала Марина, снова поднимая смычок.

— Не закрывай, — сказала Алина.

— Тогда что?

Белая полоса появилась снова, короче прежней. Лёд замер ещё на несколько секунд. Максим успел добраться до окна машины.

— Она даёт время.

— На сколько?

— Не знаю.

— Этого мало.

— Другого сейчас нет.

Марина обычно после таких слов принимала решение сама. Алина уже ждала приказ убрать колокол, но Марина спросила:

— Что тебе нужно?

— Возьми ту же тему, — сказала Алина, посмотрев на скрипку. — Только не закрывай её.

— Где остановиться?

— Я скажу.

— Если ошибёшься? — Марина задержала на ней взгляд.

— Я отвечу.

— Не одна.

Спорить было некогда. Марина начала снова, тише. Первая фраза легла на привычный рисунок, которым они раньше стягивали края шва. Тёмная вода сразу пошла быстрее, разлом у машины расширился.

— Ещё, — сказала Алина.

Марина продолжила. Белая полоса под льдом стала ярче и теперь не исчезла сразу.

Алина вынула из внутреннего кармана нефритовый осколок. После раскола Колокола Двух Берегов его хранили отдельно и не использовали без свидетеля. Сегодня свидетели были рядом. Это не делало действие безопасным.

Нефрит лёг в ладонь холоднее металла. Внутренний тон стал выше. Марина дошла до места, где тема обычно поворачивала к закрытию.

— Сейчас? — спросила она.

Белая полоса под льдом стала шире. Машина перестала оседать.

— Ещё полтакта, — сказала Алина. Марина сыграла две ноты.

— Стоп.

Смычок замер над струной. Последняя нота оборвалась до разрешения.

У Алины свело правую кисть. Боль прошла от пальцев к локтю и резко ударила в ухо. Она прижала плечо к голове, но нефрит не выпустила. Подо льдом белая черта застыла.

— Алина? — Марина не опустила скрипку.

— Не продолжай.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Максим, выводите их.

Рабочий уже выбил боковое стекло машины аварийным молотком. Максим отогнул остаток уплотнителя перчаткой и помог мужчине выбраться наружу. Белая полоса побледнела.

— Быстрее! — сказала Алина.

— Сначала водитель, — ответил Максим.

— Я и есть водитель! — крикнул мужчина, вылезая из окна.

Рабочий рядом нервно засмеялся, но сразу замолчал, когда под его ногой хрустнул лёд. Максим отправил водителя к берегу.

— По моим следам. Не вправо.

Мужчина пошёл, широко расставляя ноги. До плотного снега оставалось метров пять.

Белая полоса дрогнула. Алина сильнее сжала нефрит, и в правом ухе возник резкий звон.

— Марина, ничего не играй.

— Я не играю.

— Даже если начнёт уходить.

— Поняла, — сказала Марина и опустила смычок.

Это слово Алина услышала ясно, а затем справа пропал свист ветра. Левое ухо ловило гул дороги и скрип снега. Детский голос у лестницы она видела по движению губ, но высокие звуки исчезли.

— Рабочий ещё там, — сказала Алина, заставляя себя смотреть на лёд.

Максим уже возвращался за ним. Тёмная линия под площадкой разошлась дальше. Вода быстро прошла к машине, но у белой поперечной черты движение снова остановилось на участке, по которому шли люди.

— Не прыгай. Шаг сюда, — сказал Максим и подал рабочему руку.

— Там трещина.

— Я вижу. Ставь ногу в мой след.

— Она расходится.

— Поэтому идём сейчас.

Они двинулись по диагонали к берегу, не пересекая широкую тёмную линию. Алина следила за белой полосой. Внутренний тон в колоколе стал короче и тише.

Водитель уже выбрался на снег. Марина перехватила его за рукав.

— Дальше к лестнице.

— Машина там.

— Оставьте.

— Там документы, ключи...

— Оставьте.

Мужчина хотел возразить, но задняя часть машины просела. Последний рабочий добрался до утрамбованного снега, Максим шагнул следом. Белая полоса исчезла.

Площадка ушла вниз сразу. Ограждение сложилось к воде, машина накренилась кабиной, несколько секунд цеплялась задними колёсами за край льда, потом сорвалась. Вода поднялась через разлом и закрыла крышу.

Алина отпустила нефрит. Правая кисть не сразу разжалась. Она прижала ладонь к куртке и заметила, что колокол больше не звучит.

— Справа что? — спросила Марина, подойдя к Алине.

— Верх почти пропал.

— Боль?

— Была. Сейчас звон.

— Тошнит?

— Нет.

Максим вернулся с края площадки. На рукаве у него была вода, перчатка порезана стеклом.

— Все вышли.

— Точно? — спросила Алина.

— Бригада вышла полностью. Водитель с ними, семья у лестницы. На льду никого не осталось, — сказал Максим.

Алина пересчитала сама и только после этого убрала нефрит в отдельный карман. К ним подбежал рабочий в оранжевом жилете.

— Камеры всё сняли?

— Проверим, — сказала Марина, посмотрев на камеру, закреплённую на стойке их переносного оборудования.

Алина включила экран. Запись шла до первого провала площадки, потом на шкале появился пустой участок. Следующий кадр показывал уже Максима у машины. Она промотала назад.

- Здесь нет полосы.
- Сколько пропущено?
- Двадцать три секунды. Потом ещё девять.
- В момент музыки?
- Первый провал начинается раньше.
- До первой ноты? — спросил Максим, наклонившись к экрану.
- Да.
- У городской камеры будет то же?
- У нас тревога пришла уже после просадки, — добавил рабочий.
- Проверим позже, — сказала Марина. — Сначала медик.
- Я останусь до осмотра, — ответила Алина.
- Это не обсуждается.

Марина посмотрела на расколотый колокол. Ни один из них не предложил назвать случившееся.

Алина выключила запись. Правое ухо понемногу возвращало высокие звуки. Сначала она снова услышала скрип молнии на куртке Максима, потом далёкий писк тормозов. Прошло около десяти минут, прежде чем детский голос у лестницы перестал казаться приглушённым.

Она подошла к подставке, чтобы убрать половину колокола. На внутренней стороне металла появился иней. Снаружи колокол оставался чистым. Белая линия медленно замкнулась почти в круг, но оставила разрыв шириной с ноготь. Алина наклонилась ближе и увидела, что разрыв обращён в сторону города, от Амура.

Марина остановилась рядом, но к металлу не прикоснулась. Максим тоже ничего не сказал. За их спинами людей уводили от опасного участка, а рабочие натягивали новое ограждение выше по склону.

Алина дождалась, пока иней перестанет расти, запомнила положение разрыва и только потом подняла половину колокола с подставки. Сегодня они пришли проверить, не зазвонит ли он сам. Ни одного удара не было. Белая черта возникла сперва подо льдом, затем на металле и в обоих случаях исчезла без её команды.

Глава 2. Сорок семь секунд

Через сорок минут после провала площадки Алина стояла у открытой двери скорой и смотрела на кардиомонитор. Рабочего, которого Максим вывел последним, уложили на носилки сразу после эвакуации. Сначала он отвечал на вопросы, назвал имя и место работы, потом пожаловался на холод и потерял сознание.

Врач второй раз проверила пульс на шее. Фельдшер сменил датчик на пальце. Температура была понижена, давление слабое, но дыхание оставалось самостоятельным. На экране после каждого комплекса кардиограммы тянулся непривычно длинный промежуток.

Врач спросила, что случилось с мужчиной на льду. Алина ответила только то, что могла подтвердить: белая полоса на короткое время остановила движение площадки, Сергей вышел сам и потерял сознание уже возле скорой. Медицинским термином она это не называла и попросила продолжать обычную помощь.

Женщина кивнула и наклонилась к пациенту.

— Сергей, слышите меня?

Мужчина не ответил.

— До потери сознания говорил нормально? — спросила врач.

— Да. Жалоб на сердце не было. Только сказал, что его знобит.

— Судороги, удар головой?

— Я не видела. Максим тоже не заметил.

— Хорошо. Тогда пока считаем это переохлаждением с необычной задержкой и не мешаем друг другу.

— Согласна.

Мужчина не ответил на повторный вопрос врача. Алина отступила, чтобы не мешать. После утренней боли правое ухо почти восстановилось, хотя высокий писк монитора оставался приглушённым.

За переносной ширмой работал обогреватель. Снаружи сотрудники городских служб подняли ограждение выше по склону. Машину, ушедшую под воду, пока не трогали.

Марина вошла вместе с Максимом. Скрипку она принесла в футляре и поставила у стены. Максим сообщил, что остальных уже осмотрели: двоих отправят в травмпункт, а Сергей остался единственным пострадавшим на месте.

Врач предупредила Марину, что любое вмешательство рядом с пациентом сначала придётся объяснить. Марина согласилась: медицинская помощь остаётся первой, Дом подключится только там, где обычная причина перестанет объяснять состояние.

Фельдшер сверил цифры на экране и нахмурился.

— Пульс тридцать два.

Врач проверила вручную и насчитала больше. Второй датчик дал тот же результат. Алина смотрела на экран, пока не поняла, что её тревожит. Кардиограмма запаздывала не целиком: часы прибора шли правильно, а реакции пациента отображались с задержкой.

— Нужны механические часы, — сказала она. — Позови Лизу.

Лиза пришла через несколько минут с рюкзаком и старым механическим хронографом, который Дом использовал при проверках швов. Она поставила его рядом с монитором и включила камеру на телефоне. Врач считала пульс вручную и называла каждый удар. На экране те же удары появлялись позже.

Через две минуты разница стала заметной без расчётов. Лиза остановила запись, перемотала её и сравнила отметки.

— Сорок семь секунд.

— Что именно? — спросила Марина.

— Канал пациента отстаёт от механических часов. Приборное время совпадает.

Фельдшер просмотрел запись. Такое объяснение ему явно не нравилось, но спорить с кадрами он не стал. Врач тоже проверила сравнение и вернула телефон Лизе. Для неё важнее было другое: пациент оставался живым, поэтому помощь продолжалась без поправки на происхождение задержки.

Снаружи раздался хруст. У края разлома прошла тёмная вода, быстро поднялась к береговому льду и отступила. Монитор подал два сигнала подряд.

Сергей дёрнул рукой и открыл глаза.

— Холодно.

Врач проверила ориентировку. Он назвал имя, место работы и день недели, но не смог объяснить, как оказался в машине скорой. Последним ясным воспоминанием была служебная машина у спуска.

Максим посмотрел на Алину. Именно там Сергей находился перед эвакуацией, но до кабины он не добрался.

Марина отвела Алину в сторону.

— Если пауза осталась в нём, её надо снять.

— Возможно. Но сердце работает, врачи справляются.

— Я могу дать короткую тему.

— Сначала спросим Сергея.

Марина посмотрела на неё внимательнее. Мужчина только пришёл в сознание, и ждать было рискованно. Алина это понимала, но быстрый способ уже однажды ускорил движение льда.

— Если он не понимает риск, ничего не делаем, — сказала она.

Раньше Марина могла закончить такой спор приказом. Сейчас она несколько секунд смотрела на монитор, затем кивнула.

— Хорошо. При враче.

Алина вернулась к носилкам и объяснила Сергею главное: после остановки льда в его реакциях осталась задержка; её можно попытаться убрать постепенно, но резкое снятие может повредить тело. Что произойдёт без вмешательства, они тоже не знали.

Сергей перевёл взгляд на врача.

— Я могу отказаться?

— Да, — ответила Алина. — Дом тогда ничего делать не будет. Врачи продолжат лечение.

— А вы уверены, что потом не скажете, что я сам отказался от спасения?

— Нет. Отказ от нашего способа не отменяет помощь и не делает вас виноватым.

Сергей посмотрел на Марину.

— Она тоже так считает?

— Да, — сказала Марина. — Решение ваше.

Он помолчал, затем согласился на постепенную попытку при постоянном наблюдении и с возможностью остановить её в любой момент. Врач попросила повторить это своими словами. Сергей сделал, уже с раздражением, но вполне осознанно.

— Делайте. Только медленно.

Лиза отметила время согласия отдельно.

Алина вынула нефритовый осколок. Половина Колокола Двух Берегов осталась в закрытом футляре. После боли утром она не хотела снова касаться металла без необходимости.

Марина достала скрипку.

— Без удара? — спросила она.

— Без удара. Мне нужен только отклик.

Алина положила нефрит на ладонь. В правом ухе возник знакомый внутренний тон, слабее прежнего.

— Сейчас.

Марина сыграла начало темы. Две ноты прозвучали негромко. За дверью скорой тёмная вода у разлома поднялась.

— Стоп.

Марина оборвала музыку. На кардиограмме следующий белый промежуток оказался короче.

Лиза сверилась с часами. Один интервал вернулся. Пульс поднялся до сорока. Сергей открыл глаза и ответил врачу без задержки.

После короткой паузы Алина снова коснулась нефрита. Боль появилась в правом ухе, но быстро отступила. Задержка уменьшилась ещё немного.

Тёмная вода у разлома пошла к берегу быстрее. Марина подняла смычок.

— Не закрывай. Только останови рывок.

Она взяла низкую ноту и прекратила её, когда рябь перестала нарастать. Алина посмотрела на Сергея.

— Продолжаем?

— Да.

Второй интервал дался легче. После третьего давление у Сергея упало, и врач сразу остановила процедуру. Несколько минут они ничего не делали. Фельдшер поправил систему и дождался, пока показатели вернутся к прежнему уровню.

Марина стояла со скрипкой у двери, но решение не подгоняла. Алина спросила Сергея, готов ли он продолжить. Он открыл глаза не сразу, однако подтвердил согласие и попросил не спешить.

Следующий отклик прошёл почти без боли. Ещё один отдался резким шумом в правом ухе. Вода у льда рванулась к берегу, и Марина начала закрывающую тему. Алина подняла руку.

— Оборви.

Марина остановилась на полутакте. Рябь дошла до края серого льда и перестала расти.

Лиза сверила запись с механическими часами.

— Осталось двенадцать секунд.

Фельдшер назвал пульс: пятьдесят четыре. Сергей глубоко вдохнул и сжал край одеяла. Потом оглядел салон так, словно оказался здесь впервые.

Врач сразу проверила его. Имя и место он назвал правильно, но перед ответом о происхождении несколько секунд молчал. Этого Алине хватило.

— Останавливаемся.

Марина опустила смычок.

— Осталось двенадцать.

— Он потерял ориентацию.

Врач поддержала решение. Дальше Дом не вмешивался.

Через несколько минут Лиза сравнила две шкалы. Разница уменьшалась сама: сначала до семи секунд, потом до четырёх. У разлома вода уже двигалась обычной короткой рябью, без прежнего рывка.

— Мы ничего не делаем, а задержка уходит, — сказала Лиза.

— Значит, ждём, — ответила Алина.

Когда разница исчезла, кардиограмма пошла в одном времени с механическими часами. Врач пересчитала пульс вручную; показания совпали.

Сергей закрыл глаза, потом неожиданно заговорил.

— Я вспомнил окно. Максим разбил стекло, я вылез из кабины.

Максим нахмурился.

— Вы были снаружи.

Сергей повернул голову.

— Нет. Я сидел в машине.

— Сергей Николаевич, — тихо сказал Максим, — я выводил вас от ограждения. Из кабины вышел водитель.

— Тогда почему я помню стекло перед лицом?

— Не знаю.

Алина хорошо помнила сцену у провала. В кабине находился водитель. Сергей стоял у перекошенной стойки и помогал ему выбраться.

Врач попросила мужчину не восстанавливать события усилием. Само воспоминание было реальным для него, но фактам не соответствовало. Сергей хотел спорить, затем устало отвернулся к стенке.

Фельдшер начал готовить транспортировку. Дом больше не вмещивался.

Алина вышла из скорой и сняла перчатку. Пальцы правой руки дрожали после контакта с нефритом. Марина остановилась рядом.

— Ты была права насчёт согласия, — сказала она.

— Мы всё равно взяли цену его памятью.

— Мы пока не знаем, останется ли это.

— Но знаем, что такое возможно.

Марина поставила футляр со скрипкой на скамью и сказала, что до разбирательства работа с колоколом и нефритом будет только при втором участнике, способном остановить процедуру. Ограничение касалось всех, включая её саму.

Алину это устроило больше личного запрета.

— Если человек погибает и ждать связи нельзя, решение останется за тем, кто рядом.

— Это запишем отдельно, — ответила Марина.

Утром Алина сама согласилась бы на более жёсткое правило. После Сергея оно уже казалось опасным. Он участвовал в решении о собственном теле и всё равно потерял часть памяти. Это не делало согласие бесполезным. Без него цена просто оказалась бы назначена чужими руками.

Из скорой позвала врач. Она стояла у двери с планшетом.

— Посмотрите. Это ваше?

На экране была карта вызова. В ней уже стояли адрес и медицинские действия бригады. Ниже появилась отдельная строка: «Стабилизация средствами Белого Регистра».

Алина перечитала её.

— Мы этого не вводили.

— Я тоже, — сказала врач. — И фельдшер не вводил.

Лиза подошла сразу, попросила не закрывать карту и сверила время появления записи.

— Она создана в момент первичного вызова.

Врач нахмурилась. В тот момент бригада ещё ехала к набережной. Лиза открыла журнал Дома и нашла первую временную отметку с их камеры.

— Запись стоит на три минуты раньше провала площадки.

Марина ничего не сказала.

Утром белая полоса появилась под льдом до первой ноты и исчезла, когда последний человек вышел из опасной зоны. Теперь система утверждала, что средство спасения было определено ещё до аварии.

Алина попросила врача сохранить карту без исправлений и отдельно отметить, что бригада эту строку не вносила. Затем убрала нефрит в футляр и закрыла замок. Сергей Ковалёв остался жив, его пульс вернулся в общее время, но сорок семь секунд забрали у него часть собственного воспоминания. А в документах уже появилась версия, где решение было принято заранее и без него.

Глава 3. Спасение в реестре

Лиза вставила внешний накопитель в изолированный ноутбук и отключила беспроводную сеть. Утреннюю запись с набережной она видела, но сейчас ей нужен был исходник — без облачной обработки и новых отметок городского портала. В цифровой комнате Дома гудел вентилятор. На столе лежала карта памяти камеры Дома, рядом — модуль механического регистратора машины. Показания водителя Лиза уже перенесла в отдельный файл.

Камера Дома потеряла два участка. Первый провал начинался до музыки Марины, второй приходился на эвакуацию. Механический регистратор машины сохранил другое: кузов двигался к воде, затем на короткое время остановился, после чего снова пошёл вниз. Водитель помнил белую полосу подо льдом, но увидел её только после того, как Максим вытащил его через окно. На уточняющий вопрос он отдельно сказал, что до провала не видел ни знака, ни сообщения о вмешательстве. Лиза сохранила эту фразу без пересказа: позднее в официальном протоколе её могли сократить до удобной формулировки.

Все три источника подтверждали остановку площадки. Ни один не называл её причину. Лиза отдельно проверила автономные часы регистратора: они не были связаны ни с порталом, ни с сетью Дома. Разница с камерой составляла несколько секунд, но последовательность событий сохранялась. Она записала смещение на бумаге и больше его не исправляла. Для неё это было важнее красивого совпадения цифр.

Лиза совместила шкалы времени вручную. Когда дверь открылась, она подняла голову: вошла Алина.

— Мешаю?

— Нет. Закрой дверь.

Алина села рядом. После скорой правое ухо у неё почти восстановилось, хотя высокий писк техники всё ещё временами пропадал.

Она сказала, что Сергея оставили под наблюдением. Его память не изменилась: он по-прежнему был уверен, что находился в кабине машины. Лиза показала данные регистратора, где в этот момент внутри оставался водитель, а Сергей находился снаружи. Они решили пока не спорить с пострадавшим и сохранить расхождение как отдельный факт.

Алина придвинулась к экрану. Камеры потеряли белую полосу, машина зафиксировала только остановку, а водитель увидел результат после выхода. Источник паузы оставался неподтверждённым.

Лиза открыла городской портал происшествий. В карточке аварии уже стояла строка: «стабилизация средствами Белого Регистра». Она сохранила страницу и перешла в технические сведения. Обычному пользователю там показывали только время обновления и оператора. После истории с контрольной суммой её неполный профиль иногда открывал поля, для которых система не могла подобрать ей полноценную роль. Сегодня рядом с пустым полем владельца стояла знакомая подпись `emergency_admin`.

Она вспомнила старый аварийный модуль. Власов создавал его для автоматического назначения ответственного, когда ситуация получала статус срочной. Модуль не был Белым Регистром целиком, но умел делать удобную для него вещь: заполнять пустое место владельцем без живого решения.

Алина спросила, что именно нашлось. Лиза коротко объяснила: старый механизм назначения мог вписать владельца в пустое поле. Оставалось проверить время срабатывания.

Портал дважды отказал в служебной истории, затем открыл старое окно совместимости. Лиза быстро выгрузила журнал. Строка присвоения оказалась короткой: после регистрации происшествия `emergency_admin` вызвал связанный шаблон `PROJECT_TRUST` и назначил Белый Регистр владельцем результата. Лиза сверила время с механическим регистратором.

— Белая остановка началась в десять четырнадцать. Владелец появился в десять двадцать одну.

— Семь минут спустя, — сказала Алина.

— Да.

— Тогда запись не могла вызвать паузу.

— По этим данным — нет.

— А в карте скорой всё выглядит так, будто Регистр действовал заранее.

— Потому что фразу добавили позже к уже существующему событию. На обычной странице видно время происшествия, а не момент присвоения. В карте скорой действие выглядит заранее подтверждённым, хотя технический журнал показывает другое. Если не сохранить обе версии, потом останется только готовая запись.

Лиза вывела рядом три шкалы. Они расходились по секундам, но порядок был один: лёд двигался, затем остановился, а только потом система получила владельца.

— Это надо сохранить до официальной сверки, — сказала Алина.

— Именно этим и займусь.

Лиза открыла архивный шлюз. При обычной авторизации он требовал заверенную подпись, но профиль Лизы больше не мог её сформировать. Она ввела свой идентификатор. Поле имени загрузилось частично; рядом появилась отметка: «идентификация не завершена».

Алина спросила, как Лиза собирается войти без заверенной подписи. Лиза выбрала режим незавершённого события: архив должен был принять материал до подтверждения владельца. В карточке владелец стоял, но неполный профиль Лизы этого назначения пока не принимал. Система видела её, однако не всегда могла определить статус.

Архив пропустил её. Лиза начала копирование. Сначала ушёл технический журнал, потом исходник камеры. Модуль машины копировался медленнее. На экране появилась полоска прогресса. Лиза отдельно открыла свойства первого файла и записала контрольную сумму в бумажный журнал Дома. Если городской архив позже изменит служебные поля, у них останется независимая отметка состояния исходника до сверки.

На сорока процентах система запросила подтверждение владельца. Лиза закрыла окно, и копирование продолжилось. Она следила за контрольной суммой исходника: если архив пересчитает файл после назначения владельца, спор о последовательности станет слабее. Пока контрольная сумма не менялась.

Алина заметила, что такой вход увидит комиссия. Лиза согласилась и добавила, что Марина, вероятно, узнает раньше.

В дверь постучали почти сразу. Марина вошла, увидела открытый архив и остановилась у стола.

— Ты работаешь через городской шлюз?

— Сохраняю исходники.

— Под своим профилем?

— Другого у меня нет.

— Лиза, если тебе снова закроют гражданские сервисы, восстановление займёт месяцы.

— Если не сохранить сейчас, на сверку уйдёт уже обработанная версия.

— Локальной копии мало?

— Потом скажут, что Дом её изменил. Мне нужна архивная отметка до обработки.

— Останови.

— Нет.

— Я не хочу, чтобы ты платила своим статусом за одну улику.

— Это исходные данные. Через час у нас их может не быть в прежнем виде.

— Есть другие способы.

— Назови один, который успеет до автоматической сверки.

Марина не ответила. На экране было семьдесят восемь процентов.

Алина молчала. Лиза была ей за это благодарна: ей не нужен был человек, который станет защищать её решение вместо неё.

На девяносто трёх процентах архив запросил повторный вход. Лиза не тронула клавиатуру. Если обновить сессию, система могла закрыть окно сразу.

— Если оборвётся? — спросила Алина.

— Останется локальная копия. Но без архивного времени.

Полоса дошла до конца. Появилось сообщение: «Материал принят как незавершённое событие. Требуется последующая идентификация владельца».

Лиза отключила накопитель. Через секунду пришло новое уведомление: доступ к медицинским сведениям ограничен. Следом городской сервис сообщил о передаче события в Межведомственную комиссию по сверке городских данных и объектов особого риска.

— Я предупреждала.

— Да. Но копия есть.

— Это не делает цену нормальной.

— Я этого и не говорю.

Лиза проверила файлы. Метаданные сохранились, архивный номер тоже. Обычный вход в медицинский раздел больше не работал: ограничение вступило в силу и было реальным. Она закрыла окно отказа и вернулась к журналу аварии. Потеря доступа злила, но сейчас она хотя бы понимала, за какое действие получила это ограничение и что именно успела сохранить до блокировки.

— Покажи Алине главное, — сказала Марина.

Лиза поставила рядом временные отметки и убрала остальные окна с экрана. Теперь перед Алиной оставалась только последовательность событий.

— Пауза появилась раньше, — сказала Алина.

— На семь минут.

— А потом ей назначили владельца.

— Да. Пока мы можем доказать только это.

— Но не то, кто создал остановку.

— Не можем.

— В исходной строке пусто. У тебя профиль неполный, у меня сейчас слух дал сбой. Система в обоих случаях пытается дописать недостающее сама.

— Слух и профиль — разные вещи.

— Я про право дописывать.

Лиза кивнула. В этом Алина была права. Пустое поле не означало согласия на владельца.

— Утром в колоколе сначала был звук. Потом пришли записи. Сейчас то же самое.

— Похоже, но это ещё не один источник, — сказала Лиза. — Не будем подгонять вывод.

— Согласна. Но колокол Регистру я не отдам.

— Никто не предлагает отдавать колокол.

— Ты хотела запретить мне самостоятельную работу после боли в ухе.

— Я хотела не допустить новой травмы.

— Если решение о моём доступе каждый раз принимаешь ты, это уже не помощь.

— Хорошо. Работа с колоколом только при втором участнике, который вправе остановить действие. Правило одинаковое для всех.

— Так подходит, — сказала Алина.

— А тебя прошу больше не входить в городской архив через дефект профиля без согласованного риска.

— Если это просьба, я услышала.

Марина больше не спорила. Лиза внесла архивный номер в журнал Дома и подключила ноутбук к внутренней сети. Сразу пришли три уведомления. Два касались её доступа. Третье было адресовано Алине. Оно пришло после архивной фиксации, поэтому Лиза первым делом сохранила время получения отдельно от содержания формы.

— Подожди, — сказала Лиза.

— Что там?

— Приглашение на регистрацию наследственного статуса.

Лиза открыла форму. Заголовок был нейтральным, срок стоял до конца суток. Алине предлагали зарегистрировать «наследственное право управления белым пределом», чтобы её дальнейшие действия считались законными.

— Я ничего не буду подтверждать, — сказала Алина.

— Пока и не надо.

— Откуда у них вообще основание?

Лиза прокрутила форму ниже и остановилась. В поле заявителя было только имя Алины. Фамилию система не добавила. Зато строка основания уже была заполнена: «харбинская линия Живого Звонаря».

— В городских документах этого нет.

— Я знаю.

— В Доме есть старые записи, но мы их не передавали.

— Значит, это следующий вопрос.

Лиза сохранила форму отдельной копией и отключила сеть. У них остались исходные данные, показывающие, что запись о владельце появилась через семь минут после белой паузы. Теперь портал предлагал Алине подтвердить владельца белого предела, хотя строка её рода уже была заполнена заранее.

Глава 4. Право остановить

К вечеру общий зал Дома был занят работой. На длинном столе лежали журналы, аптечка и распечатки с набережной. Максим менял порезанную перчатку, Лиза сверяла архивные номера, Алина сидела ближе к окну и время от времени касалась правого уха. Марина вошла последней, положила перед собой журнал дежурств и открыла новую страницу.

Она начала с того, что можно было проверить. Нижний участок набережной закрыли. Сергей Ковалёв оставался в больнице, и память о последних минутах перед падением к нему не вернулась. Водителя после осмотра отпустили. Камеры сохранили провалы, а городская карточка происшествия уже получила формулировку о средствах Белого Регистра.

Марина прошла по текущим задачам без общего перечня. Сначала передала Максиму акт на повреждённое ограждение мастерской: после утренней эвакуации крепление на внешней двери разболталось, и его надо было заменить до ночного дежурства. Лизе отдала распечатку из скорой с чужой строкой о Белом Регистре и попросила хранить её отдельно от цифровой копии. Сама позвонила в городскую службу, подтвердила время завтрашнего осмотра места провала и отказалась подписывать предварительное объяснение до сверки источников. Дом уже становился участником официального разбирательства, поэтому любое поспешное слово могло остаться в деле дольше, чем их собственные выводы.

— До утра выездов к колоколу не будет, — сказала Марина. — Нефрит остаётся в сейфе. Алина, ты к нему не прикасаешься до отдельного решения.

Алина подняла голову.

— На какой срок?

— Пока не поймём, что произошло со слухом.

Лиза перестала печатать и попросила назвать критерий отмены запрета. Марина ответила: медицинская проверка и разбор утреннего события. Лиза сразу заметила, что это два разных условия. Если врач не найдёт повреждения, а разбор затянется, запрет всё равно останется.

Марина почувствовала раздражение. Утром Алина потеряла высокие частоты почти на десять минут. Днём нефрит снова дал боль. Для временной остановки работы этого хватало.

— Я отвечаю за полевые решения Дома.

— За полевые — да, — ответила Алина. — Но моё ухо не полевая зона.

Максим отложил перчатку. Марина не собиралась спорить о полномочиях, однако разговор уже стал именно таким.

— Ты дважды получила телесную реакцию за один день.

— Поэтому я и не предлагаю идти к колоколу сейчас. Я прошу отделить запрет на работу от решения о моём теле.

Марина попросила Алину самой записать, что именно произошло с правым ухом. Та указала время боли, длительность провала высоких частот и момент восстановления. Без выводов о причине. Лист положили в медицинскую папку и закрыли. Марина заметила, что ей хочется дописать рядом «контакт запрещён», но теперь это уже было отдельным решением, а не продолжением врачебной записи.

В журнале формулировка сложилась сама собой: «Алине запрещён самостоятельный контакт с Колоколом Двух Берегов и нефритовым осколком до особого распоряжения». Ручка остановилась над строкой. В таком виде только она сама могла вернуть Алине доступ.

— Хорошо. Предложи рабочий вариант.

Алина подвинула к себе чистый лист. Медицинские решения она оставляла за собой и врачом. Полевое действие предлагала разрешать при двух независимых подтверждениях необ-

ходимости. Любой участник должен был иметь право остановить процедуру, если видел опасность.

Лиза уточнила, что считать независимым подтверждением. Алина привела простой пример: показания человека и механическая фиксация, а не две камеры одной системы.

Максим выслушал их и добавил своё условие.

— Не назначайте меня человеком, который в любом споре физически остановит остальных.

Марина повернулась к нему.

— Я этого не говорила.

— Вслух — нет. Но обычно получается: ты решаешь, остальные делают, а я стою рядом на случай, если придётся вытаскивать.

— Ты полевой защитник.

— Да. Но протокол, который работает только потому, что я рядом, плохой.

Он не отказывался от работы. Он отказывался быть последней страховкой каждого решения Марины. Возразить на это было трудно.

Лиза развернула ноутбук. На экране рядом стояли пустое поле владельца и уже готовая электронная печать. Система сама вписала Белый Регистр через семь минут после белой паузы.

— Не сравнивай мой приказ с Регистром, — сказала Марина.

— Я сравниваю не цели, а способ, — ответила Лиза. — Пустое место заполняют решением сверху.

Алина поддержала её спокойнее. Марина имела право остановить работу при реальном риске. Но если срок и условие пересмотра не названы, забота превращалась в бессрочный запрет, который мог снять только руководитель.

Марина закрыла журнал. Риск никуда не исчезал. Утренний запрет мог защитить Алину от новой травмы. Но формула «до особого распоряжения» действительно оставляла решение у одного человека.

— Двенадцать часов. До восьми утра никаких действий с нефритом и колоколом. За это время медицинская проверка, сверка исходников и письменные условия Алины. В восемь пересматриваем ограничение независимо от моего мнения.

— Условие одинаковое для всех? — спросила Алина.

— Да. Я тоже не подхожу к колоколу одна.

Лиза записала решение. Марина перечеркнула подготовленную строку запрета и написала новую. Внизу указала время пересмотра и подписала только после того, как Алина прочитала текст.

Спор не исчез. Он получил срок и понятную границу. Для Дома это было менее удобно, чем приказ, зато решение можно было проверить и оспорить.

После разбора Максим ушёл в мастерскую. Лиза вернулась к архивным копиям.

Максим вернулся через двадцать минут и положил на стол старую защёлку с внешней двери мастерской. В металле была свежая трещина от обычного удара при спешной эвакуации оборудования утром. Он заменил крепление и оставил сломанную деталь рядом с журналом, чтобы потом никто не приписал неисправность колоколу. Марине понравилась эта простая точность: сначала причина, которую можно доказать, и только потом всё остальное.

Алина показала Марине приглашение на регистрацию наследственного права. На экране было её имя без фамилии и уже заполненная строка: «харбинская линия Живого Звонаря».

В городских базах такой формулировки не было. В старых материалах Дома упоминалась харбинская линия, но Алина сказала, что помнит почти те же слова в семейных записях прабабушки. Марина попросила Лизу проверить внутренний архив.

Через минуту на экране появился старый скан, который Алина приносила ещё во время работы с Колоколом Двух Берегов. Внешняя синхронизация для этого каталога была отключена.

— Мог файл уйти через резервную копию? — спросила Марина.

— Не должен, — ответила Лиза. — После истории с PROJECT_TRUST слово «невозможно» я больше не использую. Проверю доступы.

Срок регистрации истекал в полночь. Кнопка отказа была активна, но рядом стояло предупреждение о потере права управления белым пределом.

— Я предлагаю ничего не нажимать до проверки источника, — сказала Марина и сама заметила, как осторожно построила фразу.

Алина кивнула.

— Вот так нормально.

Лиза сохранила форму и открыла служебные поля. Строка рода пришла не через emergency_admin. Старый модуль только передал приглашение, а основание уже было заполнено. Источник обозначался как закрытый фонд с городским идентификатором.

Это меняло задачу. Регистр не просто подставил удобное имя владельца после спасения. Система получила формулировку из слоя, который Дом не отдавал городским базам.

В мастерской Максим поставил две деревянные подставки на широкий стол. Половины Колокола Двух Берегов хранились отдельно после раскола. Марина принесла футляры сама и отметила время открытия в журнале.

— Контакт только через перчатки. Нефрит не достаём.

— Это приказ или условие на двенадцать часов? — спросила Алина.

Марина посмотрела на неё.

— Условие. Для всех.

Они положили половины на подставки, оставив между ними свободный промежуток. Соединять металл никто не пытался. Максим проверил края, Лиза закрепила рядом два механических датчика вибрации. На столе между половинами остались два листа протокола.

Перед проверкой Марина попросила Алину встать там, где ей было удобно, а не у заранее отмеченной позиции звонаря. Алина выбрала место у края стола, откуда видела обе половины. Это изменило лишь несколько шагов в комнате, но Марина отметила для себя разницу: раньше она сама бы поставила всех по точкам и начала работу.

Марина первой произнесла дату и время. Датчики почти не отреагировали. Максим назвал место. На одной шкале появилась слабая дрожь и исчезла.

Лиза предложила проверить формулировку из приглашения. Марина согласилась только на строку основания.

Алина стояла в двух шагах от стола.

— Харбинская линия Живого Звонаря.

Левая половина колокола дала низкую вибрацию. Датчик сдвинулся на несколько миллиметров. Правая ответила позже, коротким высоким откликом.

Лиза потянулась к клавиатуре, собираясь попросить повтор, но Марина остановила её. Реакцию они уже получили, а второе произнесение без новой задачи ничего не добавляло.

Алина несколько секунд смотрела на обе половины.

— Тогда проверю другое. Я отказываюсь регистрировать наследственное право управления белым пределом.

Обе половины ответили одновременно.

Левая дала вибрацию в сторону окна, за которым темнел склон к Амуру. Правая дрогнула к внутренней стене мастерской. Датчик дважды щёлкнул и показал смещение в сторону города.

Максим придержал подставку, не касаясь металла.

— Они расходятся.

Марина попросила ничего не двигать. Лиза отметила положение на столе и сверила направление. Левая половина была обращена к реке. Правая указывала почти в сторону центра города.

— Закрытые фонды там? — спросила Алина.

— Если брать направление без точной привязки, линия проходит через архивный квартал, — ответила Лиза.

Марина посмотрела на два листа между половинами. На одном было её первоначальное запрещение, перечёркнутое и заменённое ограничением на двенадцать часов. На втором Алина уже записала собственные условия работы.

Ещё утром Марина могла бы закрыть мастерскую и оставить ключ у себя. Это было бы проще. Теперь такое решение требовало объяснить, почему именно её право на безопасность должно стоять выше права Алины участвовать в выборе.

Она взяла журнал и внесла наблюдение о двух направлениях. Строку дальнейшего решения оставила пустой.

— До восьми ничего не меняем. Утром проверяем закрытые фонды и отдельно решаем, можно ли продолжать работу с колоколом.

Алина прочитала запись и поставила рядом подпись как участник решения.

Марина закрыла журнал. Половины колокола остались на разных подставках: одна была обращена к реке, вторая — к городу. Между ними лежали два листа, и ни на одном больше не было решения, принятого за Алину заранее.

Глава 5. Тень на нижней кромке

Максим увидел вторую тень на мокром ограждении, когда спустился ниже набережной.

До рассвета оставалось около получаса. Фонари ещё горели, снег у лестницы был серым, на металле блестела вода после ночной оттепели. Его собственная тень уходила вправо. Вторая стояла почти прямо и повторяла силуэт только до плеч.

Он сделал шаг. Обычная тень сдвинулась вместе с ним. Вторая осталась на месте, потом повернула голову к закрытому проходу под утёсом.

Максим достал телефон и открыл канал Дома.

— Лиза, ты на связи?

— Теперь да. Где ты?

— Нижняя набережная. Нужен свидетель.

— Камеру включи.

Он закрепил телефон на груди и развернулся к ограждению.

— Видишь левую секцию?

— Металл вижу. Твою тень тоже.

— Рядом есть ещё одна.

Лиза несколько секунд молчала.

— На видео второй нет.

— Здесь есть. Двигается отдельно.

— Маршрут пишу. Не уходи из канала.

Максим не ответил. Тень уже двинулась вдоль ограждения. На снегу её не было. Она появлялась только на отражающем металле: на поручне, щите инженерного шкафа, мокрой табличке у закрытой двери.

Он пошёл следом, не сокращая расстояние.

После событий в Сикачи-Аляне прошло восемь дней. Максим не знал, где находилась белая тень и что она делала в Зеркальном Хабаровске. Несколько поисков ничего не дали. Теперь она появилась сама и будто хотела привести его в конкретное место.

Проход в техническую галерею был закрыт. На двери висела новая пломба городской службы.

— Дальше галерея, — сказал Максим.

— По журналу доступ закрыт, — ответила Лиза.

— Вижу.

Тень переместилась на вентиляционную решётку рядом с дверью и исчезла.

Максим нашёл номер дежурной службы и позвонил. Диспетчер долго проверял заявку, потом разрешил войти только в первый отсек. Код аварийного доступа Максим повторил в канал Дома, чтобы Лиза записала имя сотрудника и время разрешения.

— Теперь законно, — сказала она.

— Насколько это вообще здесь возможно.

Он снял защёлку и вошёл.

В галерее пахло мокрым бетоном. Узкий проход шёл вдоль основания утёса. Слева была сплошная стена, справа тянулся металлический короб коммуникаций. За стеной слышалась вода.

Максим включил фонарь.

Вторая тень появилась на коробе метров через десять. Теперь она двигалась навстречу ему. Максим шёл вперёд, белая фигура — в обратную сторону.

Когда между ними осталось около двух метров, тень подняла ладонь.

Максим остановился.

— Что там? — спросила Лиза.

— Показывает остановиться.

— Есть причина?

Он осмотрел пол. Бетон был ровным, свежей воды не было. Этот участок Максим проходил зимой и тогда не заметил ничего опасного.

— Визуально чисто.

— Тогда постой.

Он сделал полшага вперёд.

Тень резко ударила ладонью по металлическому коробу. Звука не было.

Через секунду за стеной прошёл тяжёлый гул. Из дренажного отверстия впереди выбросило чёрную воду. Струя пересекла галерею на уровне колен и ударила в короб. Защитную решётку сорвало с креплений.

Максим отступил.

Вода быстро ушла в нижний слив.

— Максим?

— На месте.

— Попало?

— Нет.

— Ты остановился из-за тени?

Он посмотрел на мокрый участок впереди.

— Да.

Тень уже опустила руку и двинулась дальше.

Максим дождался, пока вода уйдёт, и проверил проход. Решётка лежала у стены. Ещё три шага — и струя ударила бы ему в бок.

— Это она знала заранее, — сказала Лиза.

— Похоже.

— Не спеши с выводом.

— Поэтому сказал «похоже».

Галерея стала уже. Белая тень шла по металлическому коробу, хотя свет фонаря падал с другой стороны.

Максим достал Камень Звезды.

После последних переходов поверхность камня стала шероховатой. Он оставался цел, но реагировал на швы слабее прежнего.

— Камень у меня, — предупредил Максим.

— Зачем?

— Проверю связь.

— Она только что тебя спасла. Может, не надо сразу хватать её за горло?

— Я не собираюсь.

Максим приблизил камень к металлу.

Тень остановилась.

В ладони появилось знакомое давление. Камень отвечал на присутствие шва или на его собственную связь с переходом. Максим подвёл руку ближе.

Белая фигура отступила.

— Она не хочет, — сказала Лиза.

— Вижу.

Он всё равно коснулся камнем короба.

Боль ударила в правую ладонь и сразу поднялась к запястью. На металле тень дёрнулась. Её рука прижалась к боку, хотя Максим стоял прямо.

Он усилил нажим.

Пальцы свело сильнее. Белая ладонь на стене сжалась одновременно с его.

— Максим, что происходит?

— Связь есть.

— Убери камень.

Он мог продолжить. Ещё несколько секунд, и, возможно, тень не успела бы уйти. Раньше такой возможности ему хватило бы, чтобы терпеть.

Но боль была общей.

Максим разжал ладонь.

Камень оторвался от металла. Он прислонился к стене и подождал, пока пальцы снова начнут слушаться.

Тень тоже разжала руку.

— Отпустил, — сказал он.

— Наконец-то.

— Рука работает.

— Это потом врач решит.

Максим убрал камень.

— Связь подтверждена. Владения нет.

— Это уже похоже на вывод.

— Рабочий.

Тень не исчезла. Она продолжила путь, а Максим пошёл следом, теперь не приближаясь. В конце галереи проход упирался в бетонную стену. Дальше выхода не было. На поверхности стены собирался конденсат и стекал в металлический желоб.

Тень остановилась там.

Белая ладонь прошла по мокрому металлу. На бетоне появилась первая линия.

— Лиза, камера видит?

— Стену вижу. Следы тоже.

Максим подошёл ближе.

Тень рисовала схему. Сначала короткий участок галереи, потом поворот. Ниже появилась линия, похожая на берег. У дальней точки она провела разомкнутый круг.

Максим вспомнил иней на половине колокола.

— Тот же знак.

— Вижу, — сказала Лиза.

На стене появились две человеческие фигуры. От первой тень провела линию к кругу и перечеркнула её. Вторую поставила ближе к входу. Над ней возникла небольшая дуга.

— Колокол, — сказал Максим.

Тень коснулась второй фигуры и провела её через разомкнутый круг.

— Алина?

Белая фигура повторила жест.

Максим указал на первую отметку.

— Это я?

Тень коснулась собственного контура на желобе, затем снова перечеркнула путь первой фигуры.

— Я не иду дальше границы?

Ладонь поднялась знакомым жестом остановки.

Максим почувствовал, как внутри сразу появляется привычное решение: найти обход, войти другим путём, взять часть риска на себя.

Он не стал его произносить.

— Я могу довести её до входа?

Тень провела короткую линию от первой фигуры только до разомкнутого круга.

— А дальше её решение?

Белая ладонь опустилась.

— Максим, не приписывай ей слова, — напомнила Лиза.

— Я спрашиваю по одному.

Он указал на себя, потом на фигуру Алины.

— Если ей станет плохо, я могу заплатить вместо неё?

Тень снова подняла ладонь.

Остановка.

Максим долго смотрел на схему.

— Понял.

Белая фигура провела последнюю линию от круга к точке, которой на его карте не было.

Потом шагнула в сторону бетонной стены и исчезла.

Ни шва, ни прохода после неё не осталось.

— Ушла, — сказал Максим.

— Камера показывает только стену.

— Сохрани схему отдельно.

— Уже.

Он проверил Камень Звезды. Тот больше не отвечал. Обычным способом тень отследить было невозможно.

Максим снял несколько фотографий и отметил расстояние от входа до ниши. За стеной продолжала идти вода. По технической схеме галерея заканчивалась именно здесь.

— Сопоставь конечную точку с городским планом, — попросил он.

— Минуту.

Пока Лиза работала, Максим вернулся к месту выброса. На бетоне оставалась тёмная полоса. Он поднял сорванную решётку и поставил её к стене, чтобы проход был виден тем, кто придёт после него.

Лиза вышла на связь.

— Нашла совпадение.

— Где?

Она назвала ориентир.

Максим остановился.

— Там нет выхода к воде.

— Сейчас нет.

— И раньше?

— В современных схемах тоже нет. На старом плане есть служебная площадка, но берег проходит дальше.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы точка была внутри городской территории.

Максим посмотрел назад, на бетонную стену.

— Значит, тень обозначила Белый берег там, где берега нет.

— Или использовала старую геометрию.

— Проверим.

Максим ещё раз сверил отметку с расстоянием, которое прошёл внутри. Ошибка в несколько метров ничего не меняла: конечная точка всё равно попадала за бетонную стену. Он попросил Лизу сохранить и старый план, и современную схему без совмещения. Если позже маршрут попытаются объяснить обычной неточностью координат, у них останутся исходные версии. Лиза добавила к файлам время звонка диспетчеру и запись разрешения на вход в галерею.

Он вышел из галереи тем же маршрутом. Снаружи уже светлело. Фонари ещё горели, но отражения на ограждении стали слабее. Второй тени нигде не было.

Марина ждала у верхней лестницы. На ней была куртка поверх домашнего свитера. Значит, Лиза подняла её сразу после выброса воды.

— Рука, — сказала Марина.

— Работает.

— Покажи.

Максим снял перчатку. На ладони осталась красная полоса.

Марина проверила пальцы.

— Что сделал?

— Попытался связать тень Камнем Звезды.

— Получилось?

— Связь есть. Отдача задела нас обоих.

Она посмотрела на него.

— Насколько сильно?

— Достаточно, чтобы отпустить.

— Это всё?

Максим надел перчатку.

— Всё важное.

Марина не отвела взгляда.

— После истории с тенью ты всё ещё решаешь, какую часть боли считать важной?

Он хотел сказать, что ничего серьёзного не произошло. Формально это было правдой. Но она спрашивала не об этом.

— Я сначала пытался удержать её, — сказал Максим. — Несколько секунд дольше, чем надо.

— Почему?

— Не хотел снова потерять след.

— И всё равно потерял.

— Да.

Марина кивнула.

— В отчёт запиши полностью.

— Запишу.

Она не стала приказывать ему больше не подходить к тени. Максим это заметил.

Они дошли до машины. Лиза уже прислала изображение схемы, наложенное на городской план. Разомкнутый круг лежал в точке, где официально не было выхода к воде.

Марина увеличила карту.

— Что там сейчас?

— Закрытая техническая зона.

— И никакого берега?

— Никакого.

Максим сохранил изображение в полевой журнал.

Восемь дней он считал, что белую тень придётся вернуть, обезвредить или хотя бы заставить объясниться. Теперь она сама вывела его к опасному месту, остановила перед выбросом чёрной воды и показала маршрут, в котором он не имел права заменить Алину собой.

Камень Звезды подтвердил их связь, но не дал ему власти над ней.

На карте Белый берег начинался там, где городские документы показывали бетон, закрытую галерею и закрытый склон над водой. Максим отметил координату и впервые записал рядом собственный маршрут тени вместо приказа на её поиск.

Глава 6. Добровольная регистрация

Ян Сюэ вошла во временный зал комиссии за десять минут до начала заседания и первым делом открыла электронную форму. Вчера она сама поставила в ней право отзыва без дополнительных условий. Сегодня строка выглядела иначе: «отзыв допускается после проверки последствий».

В журнале изменений автором числилась она сама. Время — четыре часа семнадцать минут утра. В это время рабочий планшет лежал выключенным дома.

До начала оставалось мало времени, поэтому Ян Сюэ отложила технический разбор. Сейчас важнее было понять, можно ли дать городу процедуру белого спасения без зависимости от закрытого решения Дома и без превращения Алины в обязательного носителя.

На стене включился экран. Подключились Марина, Алина и Лиза. Максим сидел дальше и почти не попадал в кадр. В зале комиссии остались секретарь и два представителя городских служб. Ян Сюэ настояла на открытом составе: если речь шла о спасении людей на городской территории, решение не должно было оставаться только внутри Дома или Регистра.

— Запись идёт? — спросила она.

Секретарь подтвердил.

— Тогда начинаем. Предлагаю временную отзывную регистрацию на двадцать четыре часа. Без признания собственности на источник.

Алина отказалась от наследственного права.

— Я знаю, — ответила Ян Сюэ. — Речь о временной процедуре.

Марина спросила, зачем вообще нужна регистрация, если действия Дома уже зафиксированы городом. Ян Сюэ ответила прямо: город не может рассчитывать, что при следующей аварии нужный человек обязательно окажется рядом. Если белая пауза повторяется, нужен порядок вызова и прекращения действия.

Лиза напомнила о семиминутной задержке: Белый Регистр присвоил результат уже после спасения.

— Это доказывает позднее присвоение, — сказала Ян Сюэ. — Но не источник паузы.

— Тогда зачем вписывать Алину как носителя?

— Чтобы получить на сутки законный канал, который она сможет отозвать.

— Я уже отказалась, — сказала Алина.

Ян Сюэ открыла форму в режиме общего просмотра.

Перед тем как перейти к ней, она попросила секретаря вывести на экран утреннюю карту аварии. В ней уже стояла формулировка о стабилизации средствами Белого Регистра. Она оставила её в материалах: спор шёл не о самом спасении, а о том, кто получил право назвать его своим.

— Я не предлагаю верить Регистру на слово, — сказала Ян Сюэ. — Я предлагаю создать процедуру, которую можно проверить после каждого применения.

— А если сама процедура переписывается? — спросила Лиза.

— Тогда она непригодна. Но это надо доказать на записи, а не предположением.

В исходной версии стояло: «регистрация прекращается по заявлению участника без оценки причин». На экране было другое: «прекращение допускается после проверки последствий для городской безопасности».

Ян Сюэ остановила курсор.

— Этого текста я не вводила.

Секретарь проверил журнал.

— Автор указан ваш.

— Вижу.

Марина предложила остановить заседание. Ян Сюэ отказалась: если форма меняется сама, сначала надо увидеть границы вмешательства.

Она вывела рядом локальную копию. Разница была видна без объяснений. Лиза попросила открыть служебные поля. В них не оказалось внешнего автора. В служебном поле замена проходила как «нормализация формы».

Ниже нашлась ещё одна подмена. Вчера подтверждение требовалось от заявителя. Теперь молчание родовой линии считалось согласием.

— Я никакую родовую линию не представляю, — сказала Алина.

— И молчание не будет согласием, — ответила Ян Сюэ.

Она вернула прежний текст. Система сохранила исправление и через две секунды снова восстановила изменённую строку.

Ян Сюэ убрала руку с мыши. Процедура имела смысл, пока человек заранее понимал, какое действие что означает. Здесь значение отказа менялось уже внутри документа.

— Запись экрана сохраняется?

— Да.

— Продолжайте без остановки.

Марина сказала, что Алина не будет вводить данные. Ян Сюэ согласилась. Отказ можно было внести в протокол устно.

Алина спросила, сможет ли просто выйти из заседания и не станет ли это молчаливым согласием. Ян Сюэ велела секретарю отдельно зафиксировать: выход из заседания не считается ни согласием, ни подтверждением наследственного статуса.

После этого Алина посмотрела в камеру.

— Отказываюсь.

Прозвучал тихий системный сигнал.

На форме появилась зелёная строка: «профиль носителя создан».

Ян Сюэ сразу нажала приостановку. Полоса подтверждения остановилась на середине.

— Ничего не нажимайте, — сказала она.

Секретарь проверил статус.

— Идентификатор уже создан. Активации нет.

Лиза попросила журнал. Ян Сюэ открыла его сама. Система записала отказ, после чего автоматически создала профиль «для обеспечения возможности последующего отзыва».

Марина усмехнулась.

— Очень удобно.

— Не надо приписывать мне согласие с этим, — сказала Ян Сюэ.

Она перечитала запись. Чтобы отозвать регистрацию, человеку сначала создавали то, от чего он уже отказался.

Ян Сюэ выбрала служебную приостановку и ввела основание: «явный отказ участника до создания профиля». Система потребовала её подпись и предупредила о проверке полномочий.

Секретарь напомнил, что вместе с профилем может закрыться доступ к архивному основанию.

Ян Сюэ остановилась. Если закрыть дело целиком, исчезнет официальный путь к источнику формулы «харбинская линия Живого Звонаря». Если оставить профиль активным, Алина окажется привязана к системе вопреки собственному ответу.

— Профиль приостановить. Дело оставить открытым только по происхождению основания.

— Такого шаблона нет.

— Сделайте ручную.

— Решение уйдёт на юридическую проверку.

— Пусть.

Секретарь выполнил команду. Профиль получил серую отметку «действие приостановлено». Отдельная часть дела осталась открытой.

Алина спросила, что это значит для неё. Ян Сюэ объяснила: действующим носителем она не считается, но созданный профиль пока не удалён.

— Почему не удалить?

— Потому что тогда закроется путь к архивному основанию.

— То есть часть записи обо мне остаётся.

— Да.

— Вы решили это сами.

Ян Сюэ не стала уходить от ответа.

— Да. Если потребуете закрыть дело, я закрою.

Марина предложила начать со сведений из фонда.

— Я сама решу, — сказала Алина.

Ян Сюэ заметила это. Вчера в Доме спорили о праве руководителя решать за Алину. Теперь та же граница прошла через комиссию.

Алина подумала и согласилась оставить дело открытым до конца заседания.

После этого представитель городской службы вернул разговор к практической стороне.

Представитель попросил уточнить, остаётся ли Дом единственным адресом для вызова. Ян Сюэ ответила, что пока да, но это временно. Марина согласилась только при одном условии: в документах не должно появиться формулировки, будто Дом гарантирует белую паузу по запросу.

— Мы не умеем её включать по распоряжению, — сказала она.

— Это будет записано именно так, — ответила Ян Сюэ.

Город мог требовать доступную процедуру, но не имел права объявлять повторяемой функцию, которая пока проявилась лишь в нескольких событиях.

Представитель спросил, что делать, если ночью снова произойдёт авария.

Ян Сюэ ответила: обычные службы действуют по своим правилам, Дом вызывается как отдельный участник, но никто заранее не получает статус владельца белого результата.

— Это медленнее, — заметил представитель.

— Возможно. Но процедура, которая превращает отказ в согласие, не становится безопасной из-за скорости.

Сказав это, Ян Сюэ вспомнила собственный приговор единственной версии. Тогда ей тоже казалось, что в опасной ситуации одна обязательная трактовка надёжнее нескольких несовпадающих свидетельств.

Теперь белая пауза появилась раньше официального владельца. Белая тень Максима действовала отдельно от него. Форма, созданная для спасательной процедуры, сама переписала право на отказ.

Этого было достаточно, чтобы признать: управление системой не принадлежит ей полностью.

Лиза попросила открыть поле «архивное основание». После приостановки профиля оно стало доступно. Внутри была ссылка на закрытый городской фонд, но сам документ требовал отдельного судебного запроса.

Ян Сюэ скопировала номер.

— Можно запросить сегодня? — спросила Марина.

— Теперь обязана.

Секретарь напомнил, что ей придётся объяснить суду и приостановку профиля, и оставленное открытым дело.

— Объясню.

Алина спросила:

— Из-за этого у вас будет проверка?

— Из-за моего решения.

— Разница небольшая.

— Для меня большая.

Алина ничего не ответила. Но в её лице исчезло ожидание, что Ян Сюэ сейчас просто повторит позицию Белого Регистра.

Система подала ещё один сигнал.

Под архивной ссылкой появилась новая строка.

«Победа Чёрного подтверждена; функция Белого наследуется».

Ян Сюэ перечитала её и попросила секретаря сохранить снимок экрана.

— Это из фонда? — спросила Алина.

— Ссылка сформирована на основании фонда. Сам документ мы ещё не видим.

— Формулировка ваша?

— Нет.

Марина попросила больше ничего не открывать, пока журнал не будет сохранён отдельной копией. Ян Сюэ согласилась.

Она могла закрыть заседание и передать всё техническому отделу. Тогда через несколько часов получила бы справку, где изменения формы объяснили бы особенностью старого шаблона. После сегодняшнего утра такого объяснения было мало.

Ян Сюэ продиктовала итоговую запись: профиль Алины приостановлен до отдельного явного согласия; молчание, отсутствие в системе и наследственная ссылка согласием не считаются. Дело остаётся открытым только для получения архивного основания и прекращается по требованию Алины.

— До вечера оставляем, — сказала Алина.

— Принято.

Заседание закончилось без временной регистрации, ради которой его созывали. Город не получил простой схемы. Дом не получил исключительного права. Алина не стала действующим носителем, хотя система успела создать для неё пустой профиль.

Когда связь отключилась, Ян Сюэ осталась перед экраном. В углу уже висело уведомление о проверке её действий. Она прочитала срок ответа и закрыла окно.

Потом вернулась к архивной ссылке.

Под номером закрытого фонда оставалась фраза: «победа Чёрного подтверждена; функция Белого наследуется». Теперь Ян Сюэ должна была представить суду документ, из которого эта формула попала в городскую систему. Утром она собиралась определить, кто вправе управлять белым спасением. После заседания пришлось начинать с другого: кто дал системе право наследовать это решение без согласия живого человека.

Глава 7. Чёрная вода под белым льдом

Алина проверила застёжку на каске и спустилась на служебную площадку у набережной. До вечернего потока людей оставалось меньше часа, а из люка технического коллектора уже шёл пар. Корнёв стоял у открытой горловины с металлическим репером и смотрел на шкалу у стены.

Корнёв показал на шкалу: за пять минут уровень поднялся ещё на четыре миллиметра. Максим заглянул в люк и уточнил направление. Сейчас вода шла вверх, хотя десять минут назад уходила к реке.

Алина присела рядом с репером. Белая отметка на стыке бетонных плит была едва заметна, но держалась там, где утром прошёл первый выброс.

Марина оставалась наверху у городской бригады. После обследования врач разрешил Алине один выезд при условии, что она работает не одна и прекращает нагрузку при боли или выпадении слуха. Это решение Алина сама внесла в журнал. Профиль, созданный Белым Регистром после её отказа, оставался приостановлен, поэтому сегодняшняя работа шла без действующей регистрации.

Корнёв предупредил: ещё сантиметр подъёма — и городская служба начнёт перекрывать вход бетоном. Машина уже ехала к площадке. Алина спросила, куда уйдёт давление после такого перекрытия. Корнёв поднял репер: это и требовалось выяснить до начала работ.

Они спустились втроем. Максим пошёл первым, Алина за ним, Корнёв замыкал. В коллекторе горели рабочие лампы. Под ногами шла вода не выше подошвы, но у дальнего сочленения бетон почернел.

Корнёв поставил репер в паз между плитами.

Репер показал ноль восемь. Для этого участка значение было высоким, и Корнёв показал Алине на пузырьёк уровня.

Уклон должен был уходить к аварийному сбросу. Пузырёк медленно сместился в обратную сторону. На следующем участке прибор показал норму.

Бетон оставался на месте. Значит, менялось само направление воды.

Через десять метров под потолком появилась короткая белая полоса. Она пересекала стык и не шла дальше. За ней вода двигалась свободно.

Алина узнала рисунок утренней полосы. Корнёв нашёл ещё две такие же, и обе лежали поперёк сочленений.

Белая линия удерживала только соединение секций, а рядом чёрная вода уже уходила в боковой канал.

В гарнитуре появилась Марина.

— Городская служба готова перекрывать горловину через пятнадцать минут.

— Пока не начинайте.

— Принято. Решение внизу за тобой.

Алина отметила про себя, что Марина не добавила инструкций.

На развилке прямой канал уходил к реке, боковой — под жилой квартал. По схеме Корнёва боковой обычно оставался сухим. Сейчас оттуда шла тёмная вода.

На развилке репер снова показал изменение уклона. По оценке Корнёва, направление могло смениться примерно за две минуты.

Алина достала герметичную упаковку с нефритовым осколком, но не раскрыла её.

Она решила пока не касаться осколка. Максим занял место у обратного прохода как живой свидетель, а Корнёв проверил старый аварийный затвор. Механизм работал, но до второго затвора он не успел бы добраться, если вода снова сменит направление.

Первый план был очевиден: перекрыть горловину, остановить подпитку и открыть сброс. Городская служба именно это и собиралась сделать.

— Пробуем временное перекрытие. Без бетона, — сказала Алина.

Марина передала команду наверх. Створка у входа пошла вниз.

Сначала вода у ног стала тише. Потом репер Корнёва качнулся.

— Стоп.

Он переставил прибор к боковому каналу.

— Давление растёт под кварталом.

Из лотка ударила вода и быстро поднялась на несколько сантиметров.

— Открывайте обратно.

Наверху створка пошла вверх. Чёрная вода отступила не сразу.

— Полностью закрывать нельзя, — сказал Корнёв. — Здесь прижмём, под домами найдёт другой путь.

Алина почувствовала слабый высокий звон в правом ухе. Он появился ещё до контакта с нефритом. Она приложила два пальца к упаковке. Белая линия на ближайшем стыке стала ярче.

— Боль? — спросил Максим.

— Нет. Только отклик.

Корнёв показал на прямой канал.

— Мне надо открыть первый сброс, потом второй. Между ними около сорока секунд.

Алина смотрела на воду. Белые полосы не запирали её целиком. Они удерживали отдельные сочленения и оставляли проход.

Утром пауза дала людям несколько секунд. Здесь нужно было получить несколько коротких окон для обычной работы.

— Открываем по одному. Я держу только участок, где работает Корнёв.

— Осколком? — спросил Максим.

— Без удара.

— Сколько раз?

— Столько, сколько понадобится. Но каждый раз после подтверждения.

Корнёв встал у первого затвора.

— Готов.

Алина раскрыла упаковку. Нефрит лёг в ладонь, и внутренний тон сразу стал выше.

— Подтверждение?

Максим проверил путь назад.

— Корнёв у затвора, выход свободен. Подтверждаю.

— Механизм исправен, — сказал Корнёв.

Алина сжала осколок.

Белая полоса возникла поперёк канала перед ногами Корнёва. Вода не остановилась по всей длине. Только участок у стыка перестал подниматься.

— Иди.

Корнёв дошёл до колеса и начал вращать его. Под решёткой впереди появилась тяга.

— Ещё десять секунд.

Звон в ухе усилился.

— Семь, — сказал Максим.

Корнёв сделал последний оборот.

— Первый открыт.

Алина разжала ладонь. Белая полоса исчезла, вода прошла через стык и потянулась к сбросу.

Корнёв переставил репер.

Корнёв проверил шкалу: давление падало, но боковой канал ещё держал избыток. До второго затвора было дальше. Перед ним шёл участок с низким потолком.

— Ждём тридцать секунд, — сказала Алина. — Пусть первый сброс возьмёт нагрузку. Через двадцать секунд уровень снизился. На тридцатой вода снова пошла под квартал.

— Сейчас, — сказал Корнёв.

Алина подняла нефрит.

— Подтверждение пары.

Максим проверил проход.

— Есть.

— Механизм доступен, — сказал Корнёв.

Алина замкнула пальцы.

Вторая белая полоса появилась на боковом сочленении и остановила рост воды перед Корнёвым. Он повернул рукоять. Первый оборот прошёл легко, второй застрял.

— Закусило.

Максим шагнул к нему.

— Помочь?

— Дай рычаг.

Максим подал монтажку. Корнёв вставил её в спицу колеса.

Высокий звон стал громче. Алина ещё слышала речь, но шум воды справа будто ушёл дальше.

— Состояние? — спросил Максим.

— Звон. Речь слышу.

— Продолжаем?

— Да.

Корнёв нажал на рычаг. Колесо сдвинулось.

— Пошёл.

— Быстрее.

Ещё два оборота.

— Открыт.

Алина отпустила осколок.

Белая полоса исчезла, но звон в ухе остался постоянной высокой нотой.

Корнёв снова проверил шкалу.

Давление продолжало падать, но боковой канал всё ещё держал избыточный напор.

Оставался третий сброс — штатный перелив у нижнего выхода, который обычно не требовал ручного открытия.

Максим посмотрел на Алину.

— Два контакта уже были.

— Знаю.

— Напоминаю, а не запрещаю.

Она кивнула.

У нижнего выхода вода шла быстрее по основному каналу. Боковая ветка под квартал начала мелеть.

Корнёв остановился у третьего затвора.

Он предложил подождать минуту: при нормальном снижении уровня перелив должен был открыться сам.

Через сорок секунд уровень перестал снижаться.

Марина спросила по связи:

— Нужна помощь сверху?

— Нет. Вход держите открытым.

— Принято.

Репер показал остаточное давление в нижнем кармане. Если тот заполнится, вода снова уйдёт в боковой канал.

— Значит, третий.

Алина достала нефрит.

Максим посмотрел на неё внимательнее.

— Ты меня слышишь?

— Левым хорошо. Правым звон.

— Это уже цена.

— Знаю.

— Можно выйти.

— Тогда нижний карман снова наполнится. Мне нужно одно окно для затвора, не больше.

Корнёв положил руку на колесо.

— Если пауза расширится дальше этого стыка, прекращай. Полная фиксация здесь опаснее движения воды.

— Подтверждение?

Максим встал так, чтобы видеть обоих.

— Необходимость подтверждаю. Если перестанешь отвечать, останавливаю процедуру.

— Хорошо.

— Механизм рабочий, — сказал Корнёв.

Алина коснулась осколка.

Внутренний тон слился со звоном. Белая полоса появилась у нижнего стыка. Вода перестала подниматься перед затвором, но продолжала идти дальше по каналу.

— Открывай.

Корнёв повернул колесо. Под ногами появилась тяга.

— Половина.

Правое ухо уже почти не различало его голос. Алина поняла слова по левому и по движению губ.

Максим поднял ладонь.

— Смотри на меня. Слышишь?

— Левым.

— Если хуже — отпускай.

Корнёв сделал последний оборот.

Вода резко пошла вниз. Уровень у стены начал падать.

Алина приготовилась разжать пальцы, но белая полоса исчезла раньше.

Нефрит всё ещё лежал у неё в ладони. Стык пропускал воду свободно.

— Ты отпустила? — спросил Максим.

Алина раскрыла ладонь.

— Нет. Полоса ушла сама.

Корнёв посмотрел на репер.

— Потому что сброс заработал.

— Я не давала команду прекращать.

— Тогда так и записываем.

Чёрная вода уходила по штатному каналу. Она не исчезла и не стала светлее, просто перестала подниматься под квартал.

Алина убрала нефрит. Звон справа не прошёл.

Они проверили все три сочленения. Белые полосы побледнели, а на первом стыке вода свободно шла поверх места, которое несколько минут назад удерживала пауза.

Корнёв ещё раз прошёл первый стык и подтвердил: безопасный поток белая полоса больше не удерживала. Для Алины это было важнее самого появления паузы. Белая функция переставала действовать там, где обычная инженерия снова справлялась сама.

Алина вспомнила утренние документы Белого Регистра. Там запись о назначенном владельце сохранялась и после того, как людям ничего не угрожало, пока её не отменили отдельно. Здесь было иначе: белая полоса исчезла сама, как только обычный сброс принял воду. Это ещё не объясняло её происхождение, но давало проверяемое различие.

Корнёв заметил, что впервые видит магическое вмешательство, которое вовремя перестаёт мешать работе. Алина попросила только об одном: не называть эту функцию принадлежащей Дому. Он согласился.

На выходе их встретил врач городской бригады. Алина сняла каску и сообщила о стойком звоне. После быстрой проверки стало ясно: правое ухо слышит хуже утреннего уровня, особенно высокие звуки.

— Повторной нагрузки до обследования не будет, — сказала врач.

— На какой срок?

— До обследования. Это уже не краткий эпизод.

Марина стояла рядом и не вмешивалась.

— Я услышала, — сказала Алина.

— Тогда в журнале будет врачебное ограничение, а не моё, — ответила Марина.

— Так правильно.

Корнёв остался внизу с городской службой и через несколько минут позвал их к люку.

— Здесь есть вещь, которую лучше увидеть до очистки.

Они спустились до первой площадки. Вода ушла ниже, и под грязью на стене открылась старая металлическая табличка. Корнёв промыл её водой из бутылки.

На пластине были выбиты два дракона. Один шёл слева, другой справа. Между их головами оставался пустой промежуток шириной в два пальца. Ни клинка, ни печати между ними не было.

Максим присел рядом.

— Старая?

— Старше нынешней облицовки. Пластины использовали повторно при ремонте.

Алина не касалась металла. В правом ухе продолжал стоять высокий звон.

— Сними размеры.

— Уже.

Корнёв приложил линейку к промежутку и сразу убрал её, чтобы не закрывать рисунок.

Наверху городская служба отменила бетонирование. Аварийные сбросы оставили открытыми до ночной проверки.

Алина внесла в полевой журнал три контакта с нефритом. Последний описала отдельно: белая пауза прекратилась до её команды, когда штатный сброс принял нагрузку. Ниже записала время начала постоянного звона и врачебный запрет на новую нагрузку.

Корнёв закрепил рядом с находкой временный номер. На старой пластине два дракона были обращены друг к другу, но между ними оставалось пустое место. Металл сохранял этот разрыв дольше нынешнего бетона, городских схем и всех новых попыток решить, какая сторона должна остановить другую.

Глава 8. Кому принадлежит спасение

Алина сидела у окна в больничном коридоре и ждала, когда Сергей закончит осмотр. Правое ухо после вчерашнего коллектора звенело с ночи. Объявления над дверями она различала хуже обычного и чаще смотрела на электронное табло.

Врач утром повторила запрет на нагрузку. Нефритовый осколок остался в Доме, обе половины колокола — в мастерской. Сегодня Алина пришла не работать со звоном. Ей нужно было получить показания людей, которых вывели с льда, пока комиссия не превратила их ответы в подтверждение готовой версии.

Сергей вышел из кабинета с бумажной папкой под мышкой. Он двигался осторожно, но сам. Увидев Алину, остановился.

— Вы из Дома?

— Да. Если не хотите разговаривать, я уйду.

— Хочу. Только недолго.

Они сели у окна. Сергей помнил, что лёд перестал двигаться и у него появилось время выбраться. Белую полосу он видел, но теперь не мог уверенно сказать, была она под ногами или сбоку. Максима помнил лучше: тот показал путь к берегу. Алина спросила только об источнике полосы, и Сергей ответил после короткой паузы:

— Не видел.

— Колокол слышали?

— Нет. Про скрипку мне уже потом рассказали.

Она записала его слова без поправок. Сергей заметил это и спросил, как всё было на самом деле.

— Я могу рассказать, что видела сама. Но тогда это уже будет не ваше показание.

— Комиссия сказала, что нас спас Белый Регистр.

— Это их формулировка.

— А ваша?

Алина могла сослаться на позднюю запись о владельце, на вчерашнюю паузу в коллекторе, которая прекратилась сама. Но Сергей этих событий не видел.

— Источник пока не установлен.

Он явно ждал более определённого ответа, однако спорить не стал. Потом попросил записать ещё одну вещь: внутри белой остановки он мог двигаться сам. В больнице его состояние описали как заторможенную реакцию, а он помнил, что выбирал, куда поставить ногу.

Алина уточнила последовательность. Сергей путал момент у машины и не помнил самого падения площадки, но свободу движения описал уверенно. Она записала и это, не связывая с происхождением белой паузы.

Перед тем как Сергей ушёл к комиссии, он открыл папку и показал Алине предварительную запись врача. Там стояла фраза о «возвращении способности к самостоятельному движению после защитного воздействия». Сергей ткнул пальцем в последние два слова.

— Вот это я подтвердить могу?

— Самостоятельное движение — можете, если так помните. Что именно на вас воздействовало, решаете вы.

— Я видел остановку. Всё остальное мне рассказали после.

Алина предложила разделить фразу в показании. Сергей сам написал на полях: «После остановки движения льда смог идти самостоятельно. Источник остановки не видел». Подписал только эту строку и забрал копию. Для Алины это было полезнее ещё одного общего рассказа: человек сам отделил пережитое от объяснения, которое получил позже.

Пока Сергей заполнял лист, звон в правом ухе усилился. Алина дождалась прежнего уровня и записала время в медицинскую заметку. Запрет на новую нагрузку оставался в силе.

У двери временной комиссии стояла небольшая очередь. Людей после аварии пригласили по времени. Водитель разговаривал с сотрудницей за стойкой, рядом сидела женщина с ребёнком, которую Максим вывел к лестнице.

Виктория стояла у окна с планшетом. Вместо приветствия она показала Алине вторую страницу формы компенсации.

Вверху указывалась сумма за лечение и утраченное имущество. Ниже заявитель подтверждал получение помощи и одновременно соглашался, что вред уменьшен благодаря «защитному действию Белого Регистра».

Если отметку не ставить, заявление переходило в общий порядок со сроком до тридцати дней. С отметкой выплату обещали оформить сегодня.

— Здесь две разные вещи сшиты в один ответ, — сказала Виктория. — Человек подтверждает факт спасения и сразу — владельца этого спасения.

— Можно разделить?

— В этой форме — нет.

Лиза подошла с ноутбуком, сверила номер версии и выяснила, что шаблон появился утром. Выплата была технически привязана к одному полю подтверждения, хотя источник белой паузы на сумму не влиял.

— Тогда нужны разные ответы, — сказала Алина. — Факт спасения отдельно. Источник отдельно.

— Какие варианты? — спросила Виктория.

— «Подтверждаю указанную версию». «Не знаю». «Отказываюсь от толкования».

— И ни один вариант не должен менять сумму.

Представитель комиссии встретил их спокойно. Он объяснил, что ускоренная форма создана для массовой выплаты, а формулировка о Белом Регистре взята из городской сводки. Сам он не устанавливал происхождение белой функции.

Виктория спросила, почему тогда подтверждение владельца встроено в основание выплаты. Представитель ответил, что по Белому Регистру уже открыта компенсационная программа.

— Для расчёта суммы источник не используется. Основанием может быть авария и подтверждённое спасение, — сказала Лиза, открывая расчёт заявления на ноутбуке.

— Технически да. Юридически шаблон утверждён.

— Покажите норму, по которой ответ «не знаю» лишает человека ускоренной выплаты, — сказала Виктория.

Представитель позвал юриста. Через несколько минут выяснилось, что такой нормы нет. Ограничение возникало из настройки формы: при отсутствии отметки заявление получало статус неполного, и система автоматически отправляла его в общий порядок.

Алина предложила не менять основной шаблон во время приёма, а добавить отдельный лист о происхождении помощи. Лиза подтвердила, что сумму можно провести независимо. Юрист согласился.

Виктория написала короткую форму. Сначала человек подтверждал факт спасения. Ниже выбирал отношение к источнику: подтверждает указанную версию, отвечает «не знаю» или отказывается от толкования. Сумма рядом больше не зависела от выбора.

Через двадцать минут новые листы появились на стойке. Людей предупреждали, что ответ об источнике не влияет на выплату.

Сотрудница за стойкой сначала хотела складывать ответы в разные папки, но Виктория остановила её. Так ответы снова могли разойтись по разным срокам выплаты. Тогда на каждом

дополнительном листе поставили один и тот же номер заявления, а ответы об источнике оставили отдельным приложением.

— Деньги идут по основному заявлению? — уточнила Виктория.

— Да.

— Независимо от выбранной строки?

— Да. Это внесено в протокол.

После этого очередь двинулась быстрее. Люди всё равно читали дополнительный лист дольше основной формы: сумма была понятна сразу, а вопрос об источнике требовал вспомнить, что именно они видели сами.

Сергей подошёл первым. Прочитал варианты и поставил отметку напротив «не знаю».

— Вы мне что советуете? — спросил он Алину.

— Ничего. Это ваше свидетельство.

Он перечитал строку и оставил отметку. Водитель выбрал тот же ответ, но перед подписью попросил сотрудницу комиссии ещё раз подтвердить, что срок выплаты не изменится.

Женщина с ребёнком спросила Викторию, можно ли быть благодарной Дому и всё равно не знать, откуда появилась белая остановка.

— Можно. Благодарность не обязывает вас объяснять то, чего вы не видели.

Женщина отметила «не знаю». Один рабочий подтвердил версию Белого Регистра. Он сослался на городскую сводку и сказал, что доверяет ей. Алина не стала спорить. Другой отказался толковать источник и оставил только факт спасения.

Пока люди оформляли документы, Алина записывала короткие уточнения к показаниям. Разные свидетели расходились в деталях белой полосы, но несколько человек независимо говорили об одном: внутри остановки они сохраняли возможность двигаться. Женщина сама взяла ребёнка за руку. Водитель выбирался через окно по команде Максима. Ни один из опрошенных не говорил, что белая сила управляла его телом.

— Не своди это в один общий ответ, — сказала Виктория, возвращая блокнот Алине.

— Не собиралась.

— Тогда хорошо. По людям это сильнее.

Алина ценила в Виктории именно это: та не добавляла к свидетельству смысл, которого человек не давал. К полудню приём закончился. Большинство выбрало «не знаю». Двое отказались от толкования, один подтвердил официальную версию. Выплаты сохранили всем.

Лиза только после этого внесла результаты в сводку, не превращая их в голосование за источник белой паузы. На стенном экране появилась городская новость. Комиссия сообщала, что учла свидетельства и сохранила компенсации независимо от ответа. Последняя строка осталась прежней по смыслу: «Наиболее вероятным владельцем защитной функции остаётся Белый Регистр».

— Они всё равно назначили владельца, — сказала Лиза.

Представитель комиссии услышал её и пояснил, что другого подтверждённого владельца у города нет. Алина повернулась к нему.

— А зачем владельца назначать сейчас? Напишите: источник не установлен.

— Это решение выше моего уровня.

Спорить дальше не имело смысла. Они добились конкретного результата: человек мог сказать «не знаю» и не потерять быструю выплату. Публичную версию комиссия сохранила.

В Доме показания разложили на столе после обеда. Марина прочитала лист Сергея и спросила, почему Алина не показала людям данные о семиминутной задержке присвоения.

— Тогда мы получили бы больше ответов против Регистра, — сказала Марина.

— И часть этих ответов была бы нашей версией через чужие подписи.

— Согласна. — Марина закрыла папку и оставила её перед Алиной.

Виктория спросила, что Алина будет говорить публично. Ответ пришёл не сразу. Несколько спасённых подтвердили свободу движения внутри остановки, но это ещё не давало Алине права объявить их свидетелями Белого Дракона.

— Только то, что видела сама. Белая пауза появилась до регистрации. В коллере она прекратилась, когда опасность ушла. А кто ответил колоколу, я не знаю.

— Так и оставь, — сказала Виктория.

Лиза в это время проверяла городскую ленту. На экране появилась новая карточка события на месте аварии.

— Посмотрите сюда.

Организатором значилась городская служба совместно с Белым Регистром. Заголовок сообщал о восстановлении Белого защитного контура. Ниже стояло: «Демонстрационная проверка устойчивости».

Время назначили на четырнадцать часов следующего дня. Алина перечитала карточку ещё раз.

— Они умеют его восстанавливать?

— По нашим данным — нет, — ответила Лиза.

— Завтра там будут люди, — сказала Марина, открывая журнал выездов и проверяя свободную группу на следующий день.

— Значит, мы тоже будем.

— Врач запретил тебе нагрузку.

— Я не собираюсь использовать нефрит. Но присутствовать могу.

Марина не стала решать за неё и попросила заранее записать роль наблюдателя. Алина согласилась.

К вечеру правое ухо продолжало звенеть. Алина закрыла папку со свидетельствами и оставила на столе все листы, включая тот, где рабочий подтвердил версию Регистра. Если убрать неудобный ответ, их собственный архив станет не лучше городской сводки.

По дороге домой она остановилась у городского экрана. Между временем автобусов появилась белая строка: «Белый защитный контур будет восстановлен в 14:00 на месте аварии». Утром большинство спасённых честно выбрало «не знаю». К вечеру город уже обещал повторить спасение так, будто происхождение белой паузы давно установлено.

Глава 9. Белый отвечает

За сорок минут до объявленного запуска Алина стояла у второго ограждения и читала текст на городском экране. Белый прямоугольник занимал половину временной сцены: «Восстановление защитного контура. Начало в 14:00». Ниже шёл обратный отсчёт.

Правое ухо звенело после коллектора. Врач разрешила ей быть только наблюдателем и запретила новую звуковую нагрузку до обследования. Нефрит остался в Доме. Две половины Колокола Двух Берегов привезли в закрытых футлярах и поставили за линией городской службы.

Перед первым периметром стояли журналисты и городские службы. Зрителей отвели дальше от льда. Ян Сюэ встретила Алину у рабочей зоны и включила запись на планшете.

— Подтверждаете участие в демонстрации?

— Нет.

— Подтверждаете Белый Регистр владельцем функции, которая остановила лёд в день аварии?

— Нет.

— Как сформулировать вашу позицию?

— Я видела белую паузу. Она появилась до регистрации владельца. Источник я не установила.

Ян Сюэ перечитала запись.

— Так и оставляю.

— Демонстрацию вы всё равно проводите?

— Да. Город имеет право проверить заявленную функцию. Но ваш отказ войдёт в протокол до запуска.

— Тогда выведите людей ещё дальше от кромки.

— Уже вывела.

За первым ограждением работали Корнёв и двое техников. Максим проверял путь отхода. Марина ждала со скрипкой: музыку разрешили только как аварийную меру.

Алина подошла к Корнёву. По его схеме система должна была на четыре минуты зафиксировать почти всё ледовое поле между берегом и местом старого провала. Первый технический сброс уже открыли, второй Корнёв оставил готовым к ручному запуску. При полной фиксации воде пришлось бы искать другой выход.

Представитель комиссии позвал Алину к стойке регистрации. В форме уже было её имя. Рядом мигала кнопка «подтвердить присутствие носителя».

— Я не носитель Регистра.

— Можно указать присутствие без согласия на статус.

— Тогда уберите слово «носитель».

— Поле системное. Я не могу его переименовать.

Алина отодвинула планшет.

— Значит, не отмечайте меня.

— Без отметки запуск всё равно состоится.

— Я понимаю.

Экран подал короткий сигнал. Возле её имени появилась серая строка: «отказ от регистрации зафиксирован».

Ян Сюэ подошла с другой стороны, проверила время и сообщила, что отказ сохранён отдельной записью вместе с локальной копией.

Алина всё ещё не доверяла Ян Сюэ, но та уже отделяла своё решение от действий Регистра.

До запуска осталось десять минут. Марина подошла без скрипки.

— Правое ухо?

— Звонит. Речь слышу.

— Если начнётся авария, звуковое решение ведёшь ты.

Алина посмотрела на неё.

— Врач запретил нагрузку.

— Поэтому до аварии ты наблюдатель. Если придётся выбирать между нагрузкой и людьми, решение о своём теле принимаешь сама. Я исполняю твою команду по звуку.

— Даже если скажу оборвать тему?

— Особенно если скажешь оборвать.

Марина заранее отдала Алине право остановить музыкальное действие.

Максим сообщил, что комиссия собирается оставить на льду четырёх техников, двоих — ещё на минуту после запуска. Алина потребовала убрать всех до начала. Ян Сюэ возразила из-за ручных реперов, но Корнёв подтвердил: показания с берега будут хуже, зато люди не останутся на плите. Через минуту техников отозвали.

На льду остались только датчики.

В четырнадцать ноль-ноль экран погас, затем появился белый круг загрузки. Динамик сообщил о начале проверки.

Алина отвела взгляд от экрана к льду.

Сначала ничего не произошло. Затем по дальнему краю прошла белая полоса. Она не была похожа на короткие поперечные заслоны в коллекторе. Светлая сетка быстро растянулась по всей площадке и соединила участки между датчиками.

Корнёв присел у репера.

— Давление пошло вверх.

Подо льдом появилась чёрная вода. Она двигалась вдоль белой сетки, не находя свободного участка.

На экране шёл отсчёт: «фиксация 18%».

Алина почувствовала вибрацию в подошвах.

— Ян Сюэ, останавливайте запуск.

Та нажала на планшете команду отмены.

— Запрос принят. Система завершает текущий цикл.

— Сколько?

— Девяносто секунд.

— Их нет.

По льду прошла первая трещина. Она возникла у дальнего датчика и быстро пошла к берегу.

Корнёв уже бежал к техническому шкафу.

— Второй сброс открываю!

Марина взяла скрипку. Первые ноты удержали ближайший шов, но белая сетка продолжала фиксировать соседние участки.

Алина увидела, как край поля поднялся на несколько сантиметров. Чёрная вода давила снизу и искала выход.

— Марина, оборви!

Музыка прекратилась на полутакте.

В ту же секунду лёд у берега сдвинулся. Одна большая плита оторвалась от поля и пошла боком к первому периметру.

За ограждением ещё оставались два рабочих городской службы. Они снимали кабель с переносной стойки и не успели уйти после команды эвакуации.

— Максим!

— Вижу.

Он перелез через низкое техническое ограждение и побежал к ним.

Ян Сюэ потребовала открыть второй периметр на выход. Сотрудники службы отвели зрителей дальше, но люди уже подняли телефоны. Всё происходило перед камерами.

Экран показывал: «фиксация 41%».

— Остановите систему полностью! — сказала Алина.

— Команда не проходит, — ответила Ян Сюэ. — Она считает прекращение опасным до завершения стабилизации.

— Стабилизации уже нет.

Корнёв открыл второй сброс. Из шахты у берега донёсся тяжёлый шум воды. Давление на репере начало падать, но плита уже двигалась по инерции.

Максим вытолкнул первого рабочего за линию. Второй запутался ногой в кабеле.

Плита шла прямо к ним.

Алина повернулась к футлярам.

Две половины колокола лежали на отдельных подставках. Между ними оставили промежуток после вчерашней проверки. Никто не соединял металл.

Марина увидела её движение.

— Алина.

— Удара не будет.

— Врач запретил нагрузку.

— Знаю.

Она подошла к столу. Правое ухо уже звенело громче из-за общего шума, но речь ещё различала.

На экране появилось окно: «для усиления защитной функции зарегистрируйте носителя».

Алина даже не посмотрела на кнопку.

Она положила левую ладонь на одну половину колокола, правую — на другую. Между краями оставалось несколько сантиметров воздуха.

Металл был холодным.

— Свидетели? — спросила она.

Марина встала напротив.

— Я здесь.

Корнёв отозвался из гарнитуры:

— Второй сброс открыт. Давление падает.

Ян Сюэ подняла планшет так, чтобы камера видела руки Алины и разрыв.

— Отказ от регистрации действует. Запись идёт.

Алина не произносила формулу рода. Не просила Регистр о помощи. Она смотрела только на движущуюся плиту и на Максима, который резал кабель у ноги рабочего.

Ей нужен был один ответ: время, чтобы человек вышел.

В правом ухе возник высокий тон. Он перекрыл звон и на мгновение стал почти чистым.

Воздух между половинами колокола похолодел.

Белая сетка на всём ледовом поле не изменилась.

Зато под движущейся плитой появилась отдельная светлая полоса.

Она прошла только по её нижней кромке.

Плита остановилась.

Не всё поле. Только несколько метров льда, которые двигались к людям.

— Есть пауза! — крикнул Корнёв.

Максим перерезал кабель и поднял рабочего.

— Выходим!

Алина удерживала ладони на металле. Между половинами оставался воздух. Сводить их она не пыталась.

Правое ухо пронзила боль. Звук вокруг провалился, и голос Марины дошёл будто из соседнего помещения.

— Алина, состояние?

— Держу.

— Рабочие почти вышли.

Ян Сюэ стояла у экрана. Белый Регистр продолжал собственный цикл: «фиксация 57%».

Два белых действия существовали одновременно. Одно удерживало широкое поле по системной команде. Второе остановило только плиту перед людьми.

Максим пересёк ограждение вместе с рабочим.

— Все вышли!

Алина собиралась убрать руки.

Белая полоса под плитой исчезла раньше.

Лёд снова двинулся, но теперь перед ним никого не было. Плита прошла несколько метров и упёрлась в свободный участок ледового поля.

Алина отняла ладони.

Боль в правом ухе осталась. Высоких звуков она почти не слышала.

Корнёв сообщил, что давление продолжает падать через открытый сброс. Чёрная вода под льдом снова получила путь и перестала поднимать поле.

Ян Сюэ ещё раз отправила команду отмены. На этот раз система приняла её. Белая сетка начала гаснуть от края к центру.

Марина подошла к Алине.

— Сколько слышишь справа?

— Речь различаю хуже. Высокого почти нет.

— В машину к врачу.

— Сначала запись.

— Запись никуда не уйдёт.

— Уже уходила.

Марина посмотрела на неё и не стала спорить.

Алина повернулась к Ян Сюэ.

— Зафиксируйте: я не регистрировалась до контакта.

— Зафиксировано.

— Широкая сетка появилась до моего действия.

— Да.

— Локальная пауза появилась только под плитой.

— Это видно на трёх камерах.

— И закончилась после выхода людей.

Ян Сюэ кивнула.

— Тоже видно.

Городской экран мигнул. На нём исчез технический интерфейс и появилась большая надпись: «Демонстрация завершена. Защитная функция Белого Регистра предотвратила угрозу».

По зрительской зоне прошёл шум. Люди подняли телефоны.

Алина посмотрела на Ян Сюэ.

— Вы это подтверждаете?

— Нет.

— Тогда скажите в протокол.

Ян Сюэ подошла к микрофону городской службы.

— В официальную запись вносится возражение. Во время демонстрации действовали два различных режима фиксации. Принадлежность локального спасательного действия Белому Регистру не установлена. Предварительный текст на экране не считается итоговым выводом комиссии.

Представитель городской службы попытался остановить трансляцию, но фраза уже ушла в прямой эфир.

Ян Сюэ впервые публично оставила версию неустановленной.

Марина закрыла футляры колокола. Половины так и не коснулись друг друга.

Врач подошла к рабочей зоне и быстро проверила слух.

— Справа снижение больше, чем вчера. Нужен полный осмотр сегодня. Никакой нагрузки.

— Поняла.

— Это уже не рекомендация для выезда.

— Поняла.

Алина подписала запись сама.

Корнёв оставил технические сбросы открытыми. Чёрная вода не исчезла, но снова получила выход. Белая сетка Регистра погасла.

Первый сознательный белый ответ пришёл без удара, регистрации и соединения металла. Он удержал только опасный участок и прекратился после эвакуации. Для наблюдения этого хватало, для вывода о природе Белого — нет.

Ян Сюэ подошла с планшетом.

— Комиссия вызывает вас в закрытый архив. Сегодняшняя запись стала основанием для срочного доступа к фонду.

— Тому самому?

— Да. Где появилась формула о победе Чёрного и наследовании функции Белого.

— Когда?

— Завтра утром.

Алина согласилась на вызов только после того, как Ян Сюэ вручную заменила статус носителя на «свидетель события».

Городской экран снова мигнул.

Победная надпись ещё оставалась на месте. Поверх неё на секунду появилась другая строка.

«Найдите легенду, в которой победитель оставил себе чужое имя».

Алина успела прочитать её целиком.

Экран тут же вернулся к официальной сводке.

— Лиза это записала? — спросила Марина.

Из гарнитуры ответил голос Лизы:

— Да. Один кадр есть.

Ян Сюэ потребовала не перезапускать экран до снятия системного журнала.

Алина пошла к медицинской машине. Справа мир звучал глуше, чем утром, и этот ущерб уже нельзя было списать на короткую реакцию. За спиной город продолжал показывать победную формулировку Белого Регистра. В защищённой копии Дома оставался другой кадр — строка о победителе, который присвоил чужое имя.

Часть 2. Архив неправильной легенды

Глава 10. Фонд без номера

Алина расписалась в журнале допуска и положила ручку рядом с пустой строкой времени выхода. После вчерашней демонстрации правое ухо слышало хуже, поэтому Алина снова прочитала правила с листа: телефоны оставить в шкафу, оригиналы не фотографировать и ничего не выносить из рабочей комнаты.

Ян Сюэ предъявила судебное разрешение. В нём был указан закрытый фонд, но вместо номера стояло служебное обозначение из ссылки Белого Регистра. Сотрудница музея сверила документ с бумажным реестром и открыла внутреннюю дверь.

Марина с Алиной сдали телефоны. Ян Сюэ получила музейный терминал без камеры.

— Лиза войти не сможет? — спросила Алина.

— Её статус не проходит для этого фонда. Официально — нет.

— Тогда работаем с оригиналом. Её не используем.

Перед внутренней дверью сотрудница проверила ещё одно условие допуска. Суд разрешил Ян Сюэ работать с фондом в статусе представителя комиссии; Алину и Марину вписали сопровождаемыми свидетелями. Каждая расписалась отдельно. В строке цели Алина написала: «сверка происхождения архивной формулы». Сотрудница перечитала формулировку и не стала заменять её на «установление владельца белой функции».

— Это принципиально? — спросила Ян Сюэ.

— Да. Владельца мы пока не установили.

Сотрудница поставила штамп только после этого. Решение казалось мелочью, но Алина запомнила его: даже обычная музейная строка могла заранее сузить смысл того, что они пришли искать.

Коридор был обычным: серый линолеум, металлические двери, шум вентиляции. На каждой двери стоял номер. На последней остался прямоугольник старой краски.

— Формально отдельного фонда нет, — сказала сотрудница. — Электронный каталог его не показывает. Но шкаф и бумажная опись сохранились.

Записи о том, когда номер сняли, она не нашла. Дверь открылась обычным ключом.

Внутри стояли два шкафа и рабочий стол. На дальнем шкафу белела рукописная отметка: «речное». Сотрудница достала коробку, но прежде чем снять крышку, позвонила по внутреннему телефону.

Через несколько минут вошёл Ли Чжун.

Он посмотрел на коробку, потом на Алину.

— Что ищешь?

— Первоисточник формулы о победе Чёрного и наследовании функции Белого.

— Подтверждение своей версии?

— Нет. Источник.

Ли Чжун положил ладонь на крышку.

— Оригинал останется здесь независимо от того, что ты найдёшь.

— Согласна.

— Даже если другого не будет?

— Я опишу увиденное. Выносить ничего не стану.

Он убрал руку.

— Тогда открывайте.

Сотрудница сняла крышку. На серой подложке лежали три карточки. В углу каждой был один и тот же номер.

На первой чёрный дракон побеждал белого и освобождал реку от разрушительной силы. Карточку заполнили в конце прошлого века. Внизу стояла строка о том, что после победы право белой остановки передано хранителям порядка и наследуется по линии назначенного звонаря.

Вторая карточка была старше почти на тридцать лет. Номер совпадал, но наследования в тексте не было. Белый здесь назывался силой, которую чёрное движение должно остановить у реки.

Третья оказалась старше обеих. Заголовок был написан карандашом: «Две речные меры».

Алина наклонилась ближе. В этом описании победителя не было. Чёрное связывалось с движением воды, белое — с остановкой у опасной границы. Между двумя абзацами оставалась пустая строка.

— Три карточки одного предмета? — спросила Марина.

— Один номер, — ответил Ли Чжун. — Это пока всё, что можно утверждать.

Ян Сюэ сверила даты.

— Формула наследования есть только на поздней карточке.

— Значит, её добавили позже, — сказала Марина.

— В эту карточку — позже. Про происхождение самой формулы мы ещё ничего не знаем.

Сотрудница дала им хлопковые перчатки и положила рядом прозрачную линейку, но Алина попросила сначала ничего не измерять. На поздней карточке чернила лежали поверх старых продавленных следов: под словом «наследуется» под углом света виднелась более ранняя борозда, не совпадавшая с буквами. Этого было мало для чтения, зато достаточно, чтобы не считать поверхность однородной.

Ян Сюэ наклонила карточку к лампе.

— Можно установить, когда нанесли верхнюю строку?

— Без исследования состава чернил — нет, — ответила сотрудница.

— Тогда карточка и эта запись могут быть разного возраста.

— Могут.

Алина внесла это в черновой лист. Она не хотела превращать разницу дат в готовое доказательство переписывания: пока у них была только цепочка физических расхождений.

Ли Чжун не вмешивался. Алина спросила его прямо:

— Какая легенда исходная?

— Не знаю.

— Вы храните этот слой.

— Поэтому не буду выбирать за тебя. Если назову одну верной, остальные сразу станут ошибками.

Алина вернулась к карточкам. Отверстия старого крепления совпадали. Бумага и почерк были разными, но все три когда-то проходили под одним номером.

Сотрудница принесла бумажную опись. Сейчас номер относился только к позднему названию — победе Чёрного.

— Есть более старая опись? — спросила Ян Сюэ.

В карточном ящике номер нашёлся дважды. Один лист называл предмет победой речного Чёрного, второй — «двумя мерами у воды». Дат не было.

Ян Сюэ записала обе формулировки.

— Для суда этого мало. Мне нужно понять, по какому основанию система создала профиль Алины.

Поздняя карточка могла оказаться обычным исправлением, старая — ошибкой учёта. Возраст бумаги сам по себе ничего не решал.

— Сверим номер, — сказала Алина. — Без копирования текста.

Сотрудница включила музейный терминал и вручную ввела номер. На экране появилось позднее название. Для проверки старой карточки система запросила дату.

— Начнём с «двух мер», — сказала Ян Сюэ.

Сотрудница ввела дату.

Терминал завис на несколько секунд. Алина смотрела на карточку и сначала решила, что устали глаза.

Карандашный заголовок стал бледнее.

— Стоп.

Сотрудница убрала руки от клавиатуры. Слова «Две речные меры» исчезали прямо на бумаге. Следом начал бледнеть основной текст.

Ян Сюэ нажала отмену.

— Сверка остановлена.

Операция закрылась, но на карточке остались только номер и дата.

— Я её не сканировала, — сказала сотрудница.

— Мы видели, — ответила Алина.

Ли Чжун подошёл к столу.

— Поверхность не трогайте.

На бумаге оставался рельеф от карандаша. Сотрудница поставила сбоку небольшую лампу, и под углом снова проступили продавленные линии.

Марина первой различила заголовок.

— След остался.

Ян Сюэ предложила снять рельеф музейной камерой, но Алина отказалась.

— Условие было без копий. Я запишу только собственное наблюдение.

— Для суда пересказ слабее снимка.

— Тогда так и будет. Я не знаю полный текст и не хочу делать новый документ вместо исчезнувшего.

Она взяла чистый лист и записала номер карточки, время сверки и то, что видела до исчезновения. Отдельно указала: «Чёрное движение и белая остановка описаны как разные действия у воды. Между абзацами был промежуток. Полный текст не знаю».

Марина сделала свою запись отдельно. Ян Сюэ указала, что юридический статус исчезнувшего текста установить не может. Сотрудница музея подписала факт физического изменения карточки во время работы терминала.

Ли Чжун прочитал листы.

— Теперь у вас есть свидетельства.

— Документ они не заменяют, — сказала Ян Сюэ.

— И не должны.

Сотрудница положила рядом архивную подложку, на которой карточка хранилась много лет. На мягком картоне сохранились продавленные следы.

Алина повернула подложку к боковому свету. В первом абзаце различалось движение, во втором — остановка. Между ними была одна слабая строка. Слов разобрать не получалось.

— Там был текст? — спросила Марина.

— Возможно. Я вижу только рельеф.

Поздняя карточка как раз на этом месте переходила к победе и наследованию. Ян Сюэ указала на совпадение, не касаясь картона.

— Если пропущенная строка была условием передачи права, поздняя версия могла её заменить.

— Могла, — сказала Алина. — Но мы не знаем, что там было.

— И было ли это одной строкой текста, — добавил Ли Чжун.

Ян Сюэ посмотрела на него.

— Вам удобно ничего не утверждать.

— В этом фонде уверенность уже один раз переписала описание.

Электронный каталог после отмены операции снова показывал только позднюю карточку. О попытке сверить «две меры» в открытом журнале следа не осталось.

Алина внесла это в своё описание.

Марина спросила, можно ли провести исследование бумаги на месте. Сотрудница ответила, что потребуется отдельное разрешение и несколько недель. После сегодняшнего сбоя фонд могли закрыть раньше.

Унести подложку на экспертизу было бы проще, но условие допуска оставалось прежним.

Алина подписала свой лист.

— Оригинал остаётся здесь.

Ян Сюэ не возразила. Для суда ей явно хотелось получить больше, однако обещание Алины было дано до того, как они увидели карточки.

Перед тем как закрыть коробку, сотрудница спросила, нужно ли оформить заявку на исследование. Алина согласилась только на исследование на месте и отдельно указала, что разрешение не даёт права переносить карточку в другой фонд. Ян Сюэ подписала заявку как представитель комиссии. Срок оставался неопределённым, но теперь отказ от выноса не означал отказ от дальнейшей проверки.

Ли Чжун посмотрел на заявку и спросил:

— Если исследование покажет, что поздняя запись старше, чем кажется, как поступишь?

— Запишу это.

— А если старый рельеф окажется позднейшим?

— Тоже запишу.

Он кивнул, и больше к испытанию не возвращался.

Сотрудница начала возвращать материалы в коробку. Когда она подняла старую подложку, Алина заметила на обороте светлое пятно.

— Подождите. Положите обратно.

Подложка лежала рядом с вентиляционной решёткой. От холодного воздуха пятно стало шире.

Марина приблизила ладонь, не касаясь картона.

— Здесь холоднее.

Через несколько секунд на пустом обороте появились светлые линии. Они выступали за счёт изменения самой поверхности.

Сотрудница прочитала первые слова и остановилась.

Алина наклонилась к столу.

«Ледяной архив — вход через сохранённую ошибку».

Ниже проступила короткая схема: коридор, разрыв и открытый круг.

Ян Сюэ взяла свой лист.

— Записываем?

— Каждый отдельно. Без общей диктовки.

Ли Чжун впервые за утро улыбнулся.

— Теперь коробку можно закрыть.

Алина не спросила, знал ли он о надписи. Если знал, его ответ всё равно не делал маршрут истинным. У них было только наблюдение, возникшее при холоде, и четыре человека, которые увидели его своими глазами.

Сотрудница закрыла коробку и вернула её в нумерованный шкаф. В журнале допуска поставили время выхода.

Правое ухо Алины всё ещё хуже слышало вентиляцию. Карточку ей не выдали, поэтому проверить бумагу в лаборатории она не могла. Зато поздняя формула наследования больше не

выглядела единственной версией: под ней оставался старый рельеф с разделёнными действиями движения и остановки.

В собственном журнале Алина закончила запись одной строкой: «Ледяной архив — вход через сохранённую ошибку». Потом закрыла блокнот и посмотрела на нумерованный шкаф: нужная дверь существовала только потому, что однажды в учёте оставили ошибку.

Глава 11. Две подписи под одной победой

Лиза поставила рядом два распечатанных скана и подвинула лампу ближе. На обоих была одна и та же поздняя карточка из музейного фонда: чёрный дракон побеждает, белая функция после победы наследуется. Первый скан пришёл из краевого музея, второй — из городского архивного каталога. Совпадали даже обрезка изображения и бледное пятно у нижнего края.

Это выглядело удобно и потому сразу насторожило её.

Оригинала не было. Алина вернулась из фонда только с собственным описанием, записью Марины, протоколом Ян Сюэ и механическим номером коробки. Карточку «Две речные меры» вынести не разрешили, а после электронной сверки её видимый текст исчез. Лиза могла работать лишь со старыми сканами и журналами движения фонда.

Марина поставила на стол кружку и посмотрела на распечатки.

— Нашла расхождение?

— Пока наоборот. Всё сходится.

— Это плохо?

— Если два учреждения работали независимо, они не должны были сохранить одинаковую обрезку до пикселя.

Лиза наложила прозрачную копию одного скана на другой. Линии совпали без смещения. Разные даты загрузки ничего не доказывали: два каталога могли получить один и тот же старый файл в разное время.

Она открыла журнал движения фонда. Механический номер коробки не совпадал с электронным шифром. Такой номер наносили ещё до цифрового каталога, и в старом скане журнала он сопровождался карандашной пометой.

— Вот это другой слой, — сказала Лиза.

— Независимый?

— Пока просто другой.

Лиза отдельно сверила вид чернил на старых сканах. У поздней карточки чёрная строка о наследовании была плотнее основного текста и почти не выцветала к краям, тогда как подпись под описанием заметно теряла цвет. Это не позволяло датировать запись, но подтверждало слова Алины: поверхность карточки менялась не за один приём. В музейном скане цвет сохранился, в городском его давно перевели в серый, поэтому сравнивать сами чернила между двумя базами было бессмысленно. Лиза отметила это в рабочем листе и не стала делать из оттенка доказательство возраста.

Потом она проверила движение коробки. За несколько десятилетий коробка с этим номером трижды меняла место хранения, но механическая маркировка оставалась прежней. Электронный каталог каждый раз подставлял к ней одно и то же позднее название. Получалось, что физическая вещь двигалась, а её цифровое описание не менялось даже тогда, когда в бумажных журналах встречались другие формулировки. Такая устойчивость была удобна для поиска, но плохо подходила для проверки происхождения легенды.

Алина пришла через несколько минут. После вчерашней нагрузки она чаще поворачивалась к собеседнику левым ухом. Лиза это заметила, но не стала отвлекать её вопросами: медицинское ограничение уже было зафиксировано.

— Покажи, что есть.

Лиза развернула лист.

— Твоё описание говорит о трёх карточках под одним номером. Две электронные базы показывают позднюю версию. Похоже, они получили один файл.

— Из-за одинаковой обрезки?

— Да. Царапина могла быть на оригинале, обрезка появилась при сканировании.

Лиза нашла старую миграционную таблицу. Музей и городской каталог стояли в разных столбцах, но поле «исходное описание» у обоих ссылалось на один пакет.

Она подвинула экран Алине.

— Вот теперь уже лучше. Два получателя, один источник.

— Значит, два совпадения считаются одним свидетельством.

— Для этой версии — да.

Пакет прошёл через ранний модуль унификации городских записей, который появился до PROJECT_TRUST. По структуре было видно знакомый принцип: одна версия становилась основной, остальные уходили в примечания или отсекались как дубли.

Марина спросила, значит ли это, что Белый Регистр переписал архив. Лиза покачала головой.

— Бумагу могли вообще не менять. Достаточно один раз выбрать одно описание как стандартное, а потом размножить его по базам.

Позже эти базы начинали подтверждать друг друга, хотя наследовали один источник.

Лиза вернулась к старым сканам. В одной папке лежала дореволюционная опись, которую поздний каталог помечал как частично нечитаемую. Бумага на изображении потемнела, край страницы ушёл в тень, но номер коробки совпадал.

Под номером было описание легенды. В конце стояли две подписи.

Первая принадлежала переводчику. Рядом с ней шла фраза о победе Чёрного Дракона. Ниже стояла подпись зрителя и отдельная приписка: Белый сохранил береговую форму до возвращения воды в русло.

Лиза перечитала строку и позвала остальных.

— Здесь не одна подпись.

Алина приблизилась к экрану.

— Читай медленно.

Лиза прочитала обе фразы.

Марина указала на нижнюю строку.

— Значит, они подтверждали разные вещи.

— По этой описи — да. Но я не знаю, что видел сам зритель. Есть только его запись.

Лиза открыла позднюю расшифровку той же страницы. В ней оставалась победа Чёрного. После неё начинался новый абзац. Второй подписи и приписки не было.

На их месте стоял служебный знак переноса строки.

На старом скане перед фамилией зрителя действительно был короткий росчерк. При автоматическом распознавании его можно было принять за техническую помету. Но за ним шли подпись и текст, которые поздняя база потеряла.

Лиза распечатала оба варианта и совместила их на просвет. Первая подпись легла в конец сохранённого абзаца. Вторая оказалась точно на месте технического разрыва.

— Теперь видно, где исчезла строка, — сказала Марина.

— Видно, где она отсутствует в позднем тексте. Причину ещё надо установить.

По журналу миграции Лиза дошла до контрольных списков старого сервера. Один пакет ушёл в музей, другой — в городской каталог. Идентификаторы различались, но контрольная сумма текста совпадала.

Две базы получили готовое описание из одного файла.

Импорт сделали после запуска ранней программы унификации. Она сводила несовместимые описания к одной версии, пригодной для поиска. Белому Регистру не требовалось переписывать бумагу, чтобы позднее получить удобную легенду. Достаточно было унаследовать уже стандартизированное описание.

— Вот это можно показать комиссии, — сказала Марина.

Алина посмотрела на таблицу.

— Мы доказали общий импорт. Но не доказали, почему выбрали победу Чёрного.
Лиза кивнула.

— Именно.

Она собрала отчёт. Отдельно указала, что электронные каталоги не являются независимыми слоями, приложила дореволюционный скан с двумя подписями и показала место, где в поздней базе вторая подпись стала техническим переносом.

Марина прочитала черновик.

Перед отправкой Лиза попросила Марину повторить один фрагмент анализа с нуля. Марина нашла общий пакет и то же место расхождения, но дальше остановилась: происхождение второй подписи она проверить не могла. Лиза внесла эту границу в отчёт. Проверяемым был путь данных и наличие строки на старом скане, а не истинность самой легенды.

Лиза отправила отчёт Ян Сюэ через официальный канал.

Ответ пришёл через семь минут.

Материал приняли в дело, но отказались присвоить ему статус заверенного экспертного отчёта. Причина была конкретной: гражданский профиль автора оставался неполным, а часть цифровых материалов требовала подтверждаемой цепочки доступа. Для суда это имело значение независимо от качества анализа.

Марина прочитала уведомление через плечо.

— Я могу заверить работу.

— Тогда система сделает тебя ответственным автором.

— Могу проверить каждый шаг.

— Проверяй. Но подпись за меня не ставь.

Марина села напротив.

— Мы потеряем официальный вес.

— Знаю.

— Фонд могут закрыть до повторного допуска.

— Знаю.

Лиза могла закрыть разрыв в своём статусе за несколько минут, если бы позволила Марине подписать отчёт как автору. Но тогда доказательство об исчезнувшей подписи начиналось бы с чужого имени на её собственной работе.

Она отказалась от добавления заверителя. Отчёт остался в деле как неподтверждённый аналитический материал.

Алина подошла к столу.

— Научи меня повторить то, что я сама могу проверить.

— Без веры в мои таблицы?

— Да.

Лиза оставила на экране три документа: старый скан, журнал импорта и позднюю расшифровку.

— Сначала спрашивай не «совпадает ли», а «откуда пришло». Два одинаковых текста ничего не дают, если один скопирован из другого.

— Как две камеры одной системы.

— Точно. Потом ищешь слой, который прошёл другим путём.

Алина указала на дореволюционный скан.

— Я могу подтвердить две подписи и две разные фразы.

— Да. Но не утверждай, что смотритель был независим от переводчика. Этого мы не знаем.

Алина записала это своими словами. Потом повернулась левым ухом к Лизе.

— Со слухом у меня так же. Если я слышу паузу, это не делает меня главным доказательством.

— Да.

— Даже если звук связан с моей семейной линией.

— Тем более.

Алина не копировала технические выводы, которые не могла проверить. В её записи осталось простое правило: сначала установить путь каждого свидетельства, потом сравнивать.

Лиза предпочитала такой результат официальной печати, полученной чужой подписью.

Ближе к вечеру музей ответил на запрос о механическом номере коробки. Прислали фотографию страницы старого журнала размещения. Номер вёл не к шкафу, где коробку нашли утром, а к записи: «витрина стекло, внутренняя линия».

Лиза открыла современный план музея. Витрины там не было. На старом плане — тоже.

— Может, временная экспозиция? — спросила Марина.

— Тогда должно быть место, где она стояла.

Соседняя строка журнала указывала на тот же служебный коридор с нумерованной дверью. Алина подтвердила, что хорошо помнит коридор и стеклянной витрины там не видела.

Лиза запросила у музея обычную ночную фотографию коридора, сделанную после проверки вентиляции. Сотрудница прислала снимок: двери, полосы света на полу и стекло противопожарного шкафа у дальней стены.

На самом коридоре ничего лишнего не было.

Лиза увеличила отражение в стекле.

Поперёк прохода стояла высокая витрина. Внутри виднелся светлый прямоугольник подложки.

Она положила рядом механический номер из журнала. Пометка совпадала с местом, где отражение показывало витрину.

— На плане её нет, — сказала Марина.

— И прямо перед камерой тоже.

Алина наклонилась к экрану.

— Но отражение есть.

Лиза сохранила фотографию отдельным источником. Витрину она не стала называть входом в Ледяной архив. Пока у них были только механическая запись о месте, отсутствующем на плане, и ночной снимок со стеклом в отражении. Этого хватало, чтобы вернуться в музей и проверить коридор уже не по каталогу, а по самому пространству.

Глава 12. Ледяная полка

После закрытия музея Алина дождалась, пока в служебном коридоре погаснет основной свет. Дежурная лампа оставила на полу узкую полосу, а в стекле противопожарного шкафа снова появилась витрина, которой перед ними не было.

Лиза стояла по другую сторону открытой двери и держала связь через проводную гарнитуру. За внутренний порог она не входила. Её неполный статус не позволял оформить официальный допуск, но именно поэтому решили оставить её снаружи живым свидетелем времени, входа и возвращения.

Она проверила связь по очереди. Алина повернула к ней левое ухо и подтвердила, что слышит. Марина и Ян Сюэ тоже ответили.

Ян Сюэ показала музейное разрешение сотруднице ночной смены. Документ давал им право повторно осмотреть коридор и проверить аномалию отражения, но ничего не говорил о Ледяном архиве. Такого объекта в музейных документах не существовало.

Алина остановилась перед стеклом. В отражении витрина стояла поперёк коридора. Если смотреть прямо, оставалась голая стена с противопожарным шкафом.

— Оснований три: механический номер, ночная фотография и маршрут с подложки, — сказала Ян Сюэ.

— Я остаюсь здесь, — сказала Лиза. — Потеряете связь — отмечаю время и вызываю музейную службу.

Марина посмотрела на Алину.

— Готова?

— Да.

Правое ухо всё ещё держало постоянный звон. Колокол они не брали. После публичной демонстрации врач запретила Алине новую нагрузку, а Марина настояла, чтобы обе половины остались в Доме. Для входа у Алины был только собственный журнал и память о вибрации металла.

Она повернулась к отражению и сделала шаг.

Стекло на миг стало матовым. За ним открылся другой коридор.

Холод пришёл сразу. Алина успела увидеть ледяную стену, ряд полок и отражение собственного лица. На первом вдохе поверхность казалась обычным льдом. На втором за ней проступили предметы. На третьем лицо в отражении стало запаздывать.

Алина отвела взгляд: старое ограничение сработало без напоминаний, и дольше смотреть на ледяную поверхность было нельзя.

Марина вошла следом, потом Ян Сюэ. За спиной осталась прямая тёмная щель, похожая на дверной проём.

— Лиза?

В гарнитуре прошёл шум.

— Слышу вас. Сигнал хуже, но есть.

Алина не смотрела на стены. Она держала взгляд ниже уровня полок и считала шаги. Через несколько метров в левой ладони возникла слабая вибрация, знакомая по половине колокола.

Она остановилась.

— Здесь направление меняется.

Ян Сюэ посмотрела на её пустую руку.

Она уточнила основание. Алина объяснила, что чувствует только вибрацию и не предлагает считать её доказательством.

Марина провела ладонью возле стены, не касаясь льда.

— Слева холоднее.

Они пошли налево. Коридор разделился на три параллельных прохода. Каждый заканчивался полкой, вмёрзшей в прозрачную стену. На первой лежал свиток с изображением чёрного дракона над расколотым берегом. На второй — белая пластина с целой линией берега. На третьей был обычный толстый журнал с потемневшим тканевым корешком.

Над полками не было подписей. Алина посмотрела на первую поверхность два вдоха и отвернулась. На свитке успела прочитать только крупную строку о победе. У второй полки увидела восстановленный берег и белого дракона над водой.

Ян Сюэ остановилась между проходами.

— Начнём со свитка. Он ближе к формуле из фонда, — сказала Ян Сюэ.

— Именно поэтому он опасен, — ответила Марина. — Мы уже знаем эту версию.

Алина подошла к третьей полке. Журнал выглядел хуже двух других: ткань на корешке разошлась, бумага вспучилась от старой влаги. На открытой странице стояли суммы и короткие записи работ.

— Здесь расходы на восстановление берега, — сказала Алина.

— Мы пришли за легендой. Хозяйственную запись тоже можно прочитать в пользу своей версии, — ответила Ян Сюэ.

Алина не ответила сразу. Вибрация в левой ладони усилилась возле журнала, но она не хотела выбирать по ощущению, которое никто не мог проверить.

Она посмотрела на страницу ещё раз, не задерживаясь дольше трёх вдохов. В верхней строке стояла оплата за расчистку после обвала. Ниже — восстановление опорной стенки. Рядом были даты.

— Расходы привязаны ко времени и месту. Их можно искать снаружи, — сказала Алина. — Подлинность журнала всё равно придётся проверять.

— Выбирай то, что оставляет следы вне архива, — сказала Марина.

Алина протянула руку к полке, но не коснулась журнала.

Лёд вокруг двух соседних проходов сразу побелел.

— Стоп, — сказала Ян Сюэ.

На первой полке победный свиток покрылся инеем. Вторая пластина стала мутной. Сам журнал остался видимым.

— Выбор уже происходит, — сказала Марина.

Алина убрала руку. Иней не исчез.

Каждая полка сохраняла один исход и закрывала соседние. Архив не предлагал собрать все версии вместе. Он заставлял остановить одну форму.

— Беру журнал, — сказала Алина.

— Он удобен для версии о двух функциях, — ответила Ян Сюэ.

— Может быть. Но его последствия можно проверить вне архива.

Марина не вмешалась, когда Алина коснулась края полки.

Холод прошёл по пальцам. Две соседние поверхности стали белыми до полной непрозрачности. В третьей полке лёд треснул по прямой линии, и журнал выдвинулся на несколько сантиметров.

Алина не вынимала его. Перелистнула страницу прямо на полке.

Записи шли подряд, без рисунков. В день речной катастрофы стояла большая выплата за срочное укрепление берега. Следующая строка описывала остановку обвала у нижней пристани. Исполнитель был обозначен знаком белого дракона.

Через несколько дней появилась другая запись: расчистка русла после удержания берега. Возле неё стоял знак чёрного дракона.

Алина прочитала страницу дважды короткими взглядами.

Марина прочитала запись как свидетельство остановки обвала Белым. Ян Сюэ сразу ограничила вывод рамками этого документа, и Алина с ней согласилась.

Дальше значилось, что после укрепления береговой формы вода снова пошла по основному руслу. Расчистку связывали уже с чёрным знаком.

Победителя в журнале не было. Ян Сюэ подошла ближе.

— Дайте лист. Мне нужна проверка при обычном освещении, — сказала Ян Сюэ.

— Оригинал не выносим.

— Это музейное условие по другому фонду.

— А выход сейчас открыт, пока мы ничего не забрали.

— Предположение. Для суда памяти троих мало.

— Знаю.

Ян Сюэ взялась за край листа.

Бумага вышла из переплёта без сопротивления.

В тот же момент за спиной раздался треск.

Алина обернулась только до уровня пола. По коридору от полок пошёл белый иней. Он быстро закрывал следы их обуви.

Марина потребовала вернуть лист. Иней дошёл до развилки, а тёмная щель у входа стала уже. Вибрация поднялась к запястью Алины. Она сказала Ян Сюэ, что изъятие не сделает лист надёжнее, зато уже закрывает им путь.

Ян Сюэ посмотрела на лист, потом на коридор и вернула бумагу в журнал.

Иней остановился. Щель у выхода перестала сужаться, но прежней ширины не вернула.

— Теперь полка закрывается, — сказала Марина.

Края журнала уже покрывались льдом.

Алина быстро наклонилась. Времени на полный текст не было. Она выбрала то, что можно запомнить без догадки: последовательность материальных отметок.

Сначала шёл знак Белого Дракона возле строки об укреплении берега и дата завершения работ. Через несколько дней следовала запись о расчистке русла со знаком Чёрного Дракона.

Она повторила порядок вслух.

— Белый знак — остановка обвала. Завершение укрепления. Потом чёрный знак — расчистка и возврат течения.

— Я запомнила суммы, — сказала Марина.

— Я — формулировки оснований выплат, — сказала Ян Сюэ.

Алина не стала просить их повторять. Разные детали были полезнее одинаковой заученной версии.

Журнал ушёл в лёд. Полка стала непрозрачной.

— Всё, — сказала Алина. — Выходим.

Они пошли обратно. Коридоры больше не выглядели одинаковыми. Левая линия вывела их к тупику, хотя при входе была прямой. Алина закрыла глаза на один вдох.

В левой ладони снова появилась вибрация.

— Направо.

— Почему? — спросила Ян Сюэ.

— Ощущение от колокола.

— Его здесь нет.

— Поэтому я не прошу считать это доказательством. Но другого ориентира сейчас нет.

Марина первой повернула направо.

Через несколько шагов они увидели щель выхода.

Лиза появилась в гарнитуре громче.

— Вы меня слышите? Связь пропадала на двадцать девять секунд.

— Слышим, — ответила Алина. — Идём к выходу.

— Все трое?

— Да.

Перед щелью Ян Сюэ остановилась.

— Без оригинала комиссия получит слабое доказательство, — сказала Ян Сюэ.

— Мы вынесли последовательность. Её можно искать в обычных расходных книгах.

— А если их нет?

— Тогда останется свидетельство троих. Пробел я закрывать догадкой не буду.

Марина посмотрела на сужающийся выход.

— Обсудим снаружи.

Они прошли через отражённую витрину по одному. Алина вышла последней. В обычном музейном коридоре было теплее, но правое ухо встретило возвращение резким звоном.

Лиза сразу подняла ладонь.

— Не говорите одновременно. Сначала время выхода.

Ян Сюэ назвала время. Марина подтвердила. Алина записала его в свой журнал.

Потом каждая отдельно пересказала то, что запомнила. Марина воспроизвела суммы и последовательность работ. Ян Сюэ точнее помнила формулировку строки о расчистке. Алина описала расположение двух знаков и промежутков в несколько дней.

Ни один пересказ полностью не совпал с другим.

— Для единой версии это плохо, — сказала Ян Сюэ.

— Зато видно, что вы не повторяете один заученный текст, — ответила Лиза.

— Я всё ещё считаю выбор журнала предвзятым.

— Критерий был открытым, — сказала Алина. — Цена проверяется по последствиям легче, чем имя победителя.

— Метод я поддерживаю, — сказала Марина. — Вывода пока нет.

Ян Сюэ не согласилась, но спор прекратила. Для неё доказательство без оригинала оставалось слабым. Алина считала это разумным.

Они вернулись к отражающей поверхности. Витрина исчезла и из стекла. На фотографии Лизы остался обычный коридор.

Алина отдельно зафиксировала, что после выбора одна полка стала непрозрачной. Считать её закрытой навсегда она не могла.

Лиза записала именно эту формулировку.

Алина убрала свой рабочий журнал в сумку и заметила движение на полу.

От её ног шла обычная тень под аварийной лампой. Тень Марины лежала рядом. У Ян Сюэ тоже всё совпадало с положением света.

Слева от Алины появилась ещё одна форма.

Она напоминала силуэт половины колокола, подвешенной в воздухе. Самого колокола при них не было.

Алина сместилась на шаг. Её собственная тень двинулась. Белый силуэт остался на месте, затем повернулся к нумерованной двери.

Лиза увидела его не сразу.

— На полу что?

— Записывай только то, что видишь, — сказала Алина.

— Светлая тень рядом с тобой. Похожа на колокол.

Ян Сюэ присела, не касаясь пола.

— Источник света?

Марина закрыла ладонью аварийную лампу. Обычные тени изменились. Светлый силуэт остался.

Алина не стала подходить ближе. После Ледяного архива ей хватало одного нового факта за раз.

Они вышли из музейного коридора, а белая тень инструмента осталась у нумерованной двери. В журнал Алина внесла только наблюдаемое: колокола при ней не было, светлый силуэт видели четверо, изменение освещения его не убрало. Значение этого следа она оставила открытым.

Глава 13. Испытание хранителя

Через полчаса после выхода из музея Алина поставила на стол запечатанный пакет с нефритовым осколком. Правое ухо всё ещё звенело, и Марина перед входом в зеркальный слой ещё раз напомнила о врачебном запрете на звуковую нагрузку. Осколок взяли не для работы, а потому что Ли Чжун потребовал принести предмет, которым Алина останавливала белую паузу.

Лавка Хранителя выглядела почти как в обычном слое, только за окнами не было улицы. На прилавке стоял металлический поддон. Над ним горела лампа, на дне блестела вода.

Ян Сюэ осталась ближе к двери. Марина положила рядом блокнот и карандаш. Ли Чжун достал из плоской коробки два влажных листа и разложил их по краям поддона. С нижних углов сразу сорвались капли.

На первом Белый разрушал береговую форму и был остановлен Чёрным. На втором Белый удерживал берег после обвала до возвращения воды.

— Один из них можно сохранить, — сказал Ли Чжун.

— Подлинность подтверждаете?

— Нет.

— Откуда они?

— Из слоя, который вы открыли сегодня. Больше я не знаю.

Ян Сюэ заметила, что документ без происхождения не станет доказательством. Хранитель не возразил: доказательства он и не обещал. Он предложил Алине выбор до падения последней капли.

Правый лист таял быстрее. Чернила у края уже расплывались. На этом листе Белый выглядел хранителем берега. Первая мысль была простой: спасти его, потому что он ближе к тому, что они увидели в Ледяном архиве.

Алина не протянула руку.

— Если выберу по содержанию, заранее назначу удобную версию.

— Да, — сказал Ли Чжун.

— Почему нельзя оставить оба?

— Можно попытаться.

Марина открыла блокнот.

— Я записываю происходящее. Решать за тебя не буду.

Капля с первого листа ударила по металлу, за ней вторая.

Алина посмотрела на Ян Сюэ.

— Что выбрали бы вы?

— Тот лист, который лучше привязан к цепочке происхождения. Если цепочки нет у обоих, ни один не получит большего веса.

Ли Чжун перевёл взгляд на неё, но промолчал.

Алина достала нефрит. Холод сразу отозвался в ладони. Правое ухо заполнил высокий звон, и после вчерашней демонстрации этот звук появился быстрее, чем ей хотелось.

Она поднесла осколок к середине поддона, не касаясь бумаги.

Вода на обоих листах замедлилась. Капля на углу правого вытянулась и остановилась. Чернила перестали расплываться.

— Сработало, — сказала Марина.

Алина переместила осколок ближе к промежутку между листами. Белёная полоска прошла по дну и разделилась возле бумаги. На первый взгляд получилось именно то, чего она хотела: сохранить обе версии без выбора.

Потом из-под поддона выдвинулся третий лист. На нём появилась строка: «Решение удерживающего». Ниже проступило имя Алины.

Она сразу отняла нефрит.

Остановленная капля упала в воду.

— Белая пауза сохраняет оба текста, но записывает меня владельцем решения, — сказала Алина.

— Я вижу то же, что и ты, — ответил Ли Чжун.

Ян Сюэ подошла ближе. Процедура напоминала работу Регистра, однако связи с ним они не знали. Алина завернула нефрит и передала пакет Марине.

— Убери. Если я удержу листы так, любой спор сведётся к тому, что я решила, какие версии имеют право остаться.

Марина убрала осколок в сумку.

Ли Чжун перевернул маленькие песочные часы.

— До последней капли.

Алина наклонилась к левому листу.

— Тогда читаем различия.

Марина приготовила карандаш.

Ни один лист не лежал спокойно. Вода уходила с бумаги по-разному: на левом сначала размокал нижний край, на правом быстрее расплывалась середина. Алина следила не за тем, какой текст держится дольше, а за тем, какие участки исчезают первыми. Если один лист был старше или сделан из другой бумаги, скорость таяния сама могла подтолкнуть их к выбору. Ли Чжун не предложил весов, анализа волокон или другой проверки. Значит, и скорость нельзя было превращать в признак подлинности.

Она попросила Марину отметить время первой потери текста на каждом листе. Ян Сюэ отдельно записала, что условия испытания не позволяют установить происхождение бумаги. Только после этого Алина продолжила чтение. Такой порядок раздражал своей медлительностью, зато не давал превратить исчезновение одного листа в доказательство превосходства второго.

Правое ухо ответило новым подъёмом звона. Алина на секунду закрыла глаза, дождалась, пока высокий звук перестанет усиливаться, и убрала руку от кармана, где недавно лежал нефрит. Повторять белую паузу она не собиралась. Врачебный запрет теперь совпадал с выводом самого испытания: ещё одна попытка удержать бумагу могла дать им сохранённый текст ценой чужого права на его смысл.

Алина называла только то, чего не было во втором тексте.

— В первом Белый назван разрушителем береговой формы. Чёрный останавливает разрушение. Есть слово «победа». Условия прекращения действия Белого я не вижу.

Марина записала последнее как отдельную оговорку.

Ян Сюэ работала со вторым листом и сама зафиксировала, что слова «победа» в нём нет. Алина не стала включать это наблюдение в свой текст.

Во втором листе Белый удерживал берег после обвала, а Чёрный появлялся ниже, возле возвращения течения. Между этими фрагментами оставалось пустое место.

— Я не знаю, был ли там текст, — сказала Алина.

— Размер? — спросила Марина.

— Визуально около строки. Не измеряли.

Марина записала именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.